

Елена
Михалкова

Комната

старинных
ключей

Annotation

Если у тебя нет друзей, нет работы и негде жить, так заманчиво откликнуться на случайное объявление в газете! Но, переступая порог дома своей мечты, Полина Аверина не знала, что за этой дверью ее ждут страшные преступления и настоящая любовь, разрушенные иллюзии и противостояние таинственному ордену.

Что случилось с ее предшественником? Какие секреты хранит загадочный дом? И чего так боится его хозяин? Поможет ли он Полине — или ему самому понадобится помощь частных детективов Макара Илюшина и Сергея Бабкина?

Читайте об этом в новом детективном романе Елены Михалковой «Комната старинных ключей».

Откроется ли для Полины эта комната? А может быть, некоторые двери лучше не отпирать никогда?..

Елена Михалкова

Комната старинных ключей

«Требуется экономка в загородный дом. С проживанием.

Умение находить общий язык с персоналом, лояльность к работодателю, стрессоустойчивость обязательны.

Любовь к животным приветствуется.

Рекомендации и опыт работы не требуются».

И телефон.

Странное объявление. Полина наткнулась на него случайно, когда от безысходности взялась просматривать все разделы. Люди искали нянь, сиделок, гувернанток, но эти вакансии она пролистывала, не вчитываясь. Без педагогического или медицинского образования ей не на что рассчитывать.

Пока, наконец, не увидела объявление о поиске экономки.

«Требуется экономка в загородный дом».

Полина перевела взгляд от окна монитора в настоящее окно.

Апрельское небо сегодня, как и вчера, похоже на скомканное грязное одеяло, укутавшее продрогший город. Многоэтажные дома выстроились друг за другом, точно солдаты вражеской армии, прошедшие не одно сражение и вновь вернувшиеся в строй: запыленные, уставшие от вечных битв.

В этом районе днем и ночью чадили трубы. Жирный дым расползлся по городу. Полина с ожесточенным упорством отмывала стекла дважды в неделю. Но уже на следующий день окна затягивались мутной пленкой.

Пора снова браться за тряпку. Радует одно: при таком образе жизни через полгода из нее получится отличная мойщица окон.

Полина невесело улыбнулась. Полярники в тяжелых экспедициях брились, чтобы не потерять человеческий облик. А она моет окна. Если вдуматься, то же самое бритье, только на собственный лад.

Пожалуй, пора добавить еще что-нибудь из жизнеутверждающих ритуалов. Одних окон явно недостаточно.

— Э-эй! — вслух сказала Полина преувеличенно бодрим голосом. — Отставить ныть!

Когда в детстве Полина принималась хныкать, бабушка командовала: «Кисель, не раскисать!» И девочке становилось смешно. Как же так: кисель, а киснуть нельзя...

Нельзя превращаться в кисель.

Полина заставила себя встать, хотя больше всего ей хотелось вернуться к компьютеру. Хотелось закрыть все поисковики. Забыть о том, что ей срочно нужна работа, любая работа — лишь бы хватало на еду и оплату съемной комнаты площадью двенадцать квадратных метров.

На экране заставка: фотография английского сада с плетистыми розами, обвившими изгородь.

Она могла подолгу смотреть на этот снимок. Окажись в ее руках волшебная палочка, исполняющая единственное желание, Полина загадала бы, чтобы окно монитора превратилось в дверь. Она вышла бы туда, где солнечные лучи пронизывают листву, а воздух

густеет от запаха роз и скошенной травы, и осталась там навсегда.

А ведь у нее все это было. Или почти было.

Полина зажмурилась, сделала два шага к окну и открыла глаза. С возвращением в реальную жизнь, дружок! В ту жизнь, где у тебя нет ничего.

А кто в этом виноват?

Смотри, смотри на этот район. Полюбуйся на рыбий хребет железной дороги, проходящей под окнами, на серые ручьи людей, стекающиеся к провалу метро, на заборы, оскалившиеся матерными надписями. Не пытайся укрыться в прекрасном виртуальном мирке. Иллюзии никогда никому не помогали. Твой английский сад лишает тебя остатков воли.

А сейчас воля нужна тебе как никогда.

Мысли Полины вернулись к объявлению. «Требуется экономка в загородный дом»...

Девушка задумалась. На первый взгляд, идея выглядела нелепо. Но она уже три месяца пытается найти работу по специальности и везде слышит один и тот же ответ: кризис, мы увольняем собственных специалистов, а не набираем новых.

«Вы очень не вовремя потеряли место, — сочувственно сказали ей в одном из кадровых агентств. — Сейчас по вашей специальности работу не найти. Подумайте, что еще вы умеете делать».

Тогда она ответила, что не умеет больше ничего. И сама твердо в это верила.

Но прошедшие месяцы заставили ее изменить мнение. А последним толчком стало прочитанное объявление. Если хорошенько подумать...

— Если подумать, еще я умею вести хозяйство, — вслух сказала Полина, прижимаясь носом к холодному стеклу.

Забавно, ведь это Дима говорил ей, что она прирожденная домохозяйка. Планирует все заранее: меню, расходы, поездки за продуктами. Он терпеть не мог эти обязанности. А Полина ухватилась за них с удовольствием.

Ей нравилось думать, что ее дом — не просто двести метров благоустроенного пространства, а что-то вроде большого механизма: стоит один раз отладить — и он заработает, закрутится, требуя лишь регулярно смазывать и чистить его. «Минимум усилий — максимум результата» — таков был девиз Полины.

И все получилось! За какую-то пару недель дом зажил своей жизнью, размеренной, четкой, где все было выверено: от смены белья до закупки соли.

Определенно, из нее получилась бы отличная домохозяйка, как и утверждал Дима.

Так почему не попробовать?

— Что я теряю? — спросила себя Полина, отодвинулась от стекла и потерла замерзший нос. — Самоуважение? У меня и так его почти не осталось. Допустим, мне откажут...

«Не допустим, а обязательно откажут!»

Полина поморщилась и тряхнула головой.

— Допустим, мне откажут, — она сделала ударение на первом слове. — Ну и что? Буду искать дальше.

Она взяла со стола телефон, несколько раз глубоко вздохнула, чтобы голос звучал ровно, и набрала указанный в объявлении номер.

— Алло! — немедленно откликнулся сочный баритон.

При первом же звуке этого голоса Полине отчего-то представилась большая тарелка садовой земляники, которую едят, запивая холодным молоком.

— Здравствуйте, — волнуясь, сказала Полина. — Вы давали объявление о поиске экономки?

Ей показалось, или собеседник сделал небольшую паузу, прежде чем ответить?

— Давал, — согласились на том конце провода. — Вы из агентства?

— Нет, я соискатель, — торопливо заверила Полина.

Удивительно: неужели ей повезло и она сразу попала на самого работодателя?

— Я только что увидела ваше объявление, — продолжала она, заставив себя говорить невозмутимо (так в ее представлении беседовали с нанимателями настоящие экономки), — и хотела... Хотела бы узнать условия работы. И еще... Если можно, подробнее о ваших требованиях. Ой, простите, я не представилась! Меня зовут Полина.

Молчание. Странное задумчивое молчание на том конце провода. Наконец баритон отозвался:

— А я Анжей Ковальский. Ну что ж, Полина... Предлагаю вам приехать, чтобы мы могли познакомиться, посмотреть друг на друга и обсудить детали.

— Приехать? — переспросила Полина. — Вот так, сразу? Простите, вы не хотите меня ни о чем спросить? Честно говоря, у меня даже нет рекомендаций.

— Я ведь написал в объявлении, что рекомендации не обязательны. А необходимый минимум информации о вас я уже знаю.

Полина вздохнула. Нет, все-таки не повезло. Она попала на сумасшедшего.

А баритон нетерпеливо продолжал:

— Так вы записываете адрес? У меня сегодня как раз освободился час. Если вы успеете к двенадцати, у нас будет возможность поговорить.

Полина могла бы просто повесить трубку, но привычка вежливо оканчивать любой разговор оказалась сильнее.

— Спасибо, но, боюсь, мне не подходит ваше предложение, — извиняющимся тоном сказала она, готовясь нажать отбой.

В ответ в трубке негромко рассмеялись.

— Вам примерно двадцать пять лет, может, чуть меньше, — сообщил ее собеседник. Она слышала в трубке слабое эхо его голоса, словно он стоял в очень просторной и гулкой комнате. — Вы ищете работу около двух-трех месяцев, но безуспешно. Вы невысокого роста, у вас светлые волосы, серые глаза. Вы расторопны, умеете рукодельничать, прекрасно считаете в уме, любите собак больше, чем кошек. Если да, то мое предложение вам подходит.

Повисла тишина. Полина ошеломленно посмотрела на свое отражение в окне, словно готова была увидеть там незнакомую женщину.

— Откуда?.. — выдавила она. — Откуда вы знаете?!

— Слышу по вашему голосу. Что здесь удивительного? По тому, как человек разговаривает, можно легко восстановить его облик. Разве вы этого не умеете?

Нет, Полина этого не умела. Для нее голоса в телефонной трубке жили отдельно от своих обладателей.

— Но счет в уме! — воскликнула она. — И собаки! Откуда собаки?

Хотя Полина выразилась путано, собеседник ее понял.

— У вас тембр и скорость речи, как у типичного сангвиника. Сангвиники в силу особенностей характера предпочитают собак, а не кошек. А про счет в уме совсем пустяк. Так мне ждать вас на собеседование?

Девушка помолчала. Трубы за окном ожесточенно дымили. Город, как огромный

корабль, словно пытался отплыть от причала — и не мог.

— Да, — сказала она наконец. — Я приеду.

— Тогда записывайте адрес.

До коттеджного поселка пришлось добираться на электричке. Вагон был забит и, казалось, все разбухал и разбухал от вливающих в него пассажиров. Полину прижало к чьей-то широкой спине в драповом пальто, распластало, будто морскую звезду. На остановках течение сначала относило ее от черного драпового берега, но затем снова прибывало к нему.

Так она и ехала, боком ощущая связку острых ключей в чьем-то кармане по соседству, вдыхая запах прокуренных курток, пота, дешевой туалетной воды... Из чьей-то сумки возмутительно остро пахло копченой курицей. Полина сглотнула слюну. Бывают же такие безжалостные люди, которые возят горячих копченых кур в общественном транспорте. Золотистых, с корочкой, с хрустящими крылышками, с нежным бело-розовым мясом...

Чтобы отвлечься от мыслей о еде, она попыталась представить человека, с которым разговаривала по телефону. Кто он, этот невероятно пронизательный обладатель сочного баритона? Маленький толстый человечек с дорожками залысин? Высокий седовласый красавец?

Полина фантазировала, подгоняя под услышанный голос разные образы. Наконец остановилась на одном и сама удивилась. Получалось, что ее потенциальный работодатель выглядит так: плотный, загорелый дочерна, с маленькой головой и крепко прижатыми к телу руками, согнутыми в локтях.

Что за нелепость?

Воображаемый телефонный собеседник открыл рот, но вместо слов из его горла вырвалось кудахтанье. Полина изумленно моргнула, и видение исчезло.

Ах, вот оно что! Курица!

«Совершенно невозможно думать в такой обстановке, — рассердилась девушка. — Отвлекают своими курами, не дают сосредоточиться».

Под ложечкой заныло. Желудок, с утра задобренный тарелкой овсянки, напомнил, что у него по расписанию время обеда. Вдобавок прижатый рядом старичок (его-то ключи и мешали Полине) вдруг пробормотал, блаженно прикрыв глазки:

— ... И пивка бы к ней свеженького! С квашеной капусткой!

Этого Полина выдержать уже не могла. Она настойчиво стала пробиваться к двери, подальше от источника запаха и от старичка с его гастрономическими фантазиями. К тому же ехать оставалось всего две остановки.

Когда поезд остановился, она едва выбралась из вагона. Почему-то нашлось мало желающих сойти на станции «Синие родники». Собственно говоря, она была единственной, кто в следующую минуту стоял на платформе и смотрел вслед облезлому хвосту электрички.

Выдохнув и поправив перекосившееся пальто, Полина огляделась — и ахнула.

Казалось, переполненная электричка перенесла ее не в пространстве, а во времени. Недалеко — всего на пару недель. Но за эти две недели случилось многое.

С неба сдернули старое зимнее одеяло. Теперь голубая простыня расстилалась над Полиной, сколько хватало глаза. Вдалеке на лес опустилось зеленое облако да там и осталось. На деревьях, росших вдоль обочины, оно рассыпалось на мельчайшие нежно-зеленые брызги. Словно кто-то омыл прозрачным дождем все, что было вокруг станции «Синие родники», и от этого почерневшая от злости зима стекла вниз и ушла в землю,

оставив за собой только белые проплешины в низинах.

Полина взглянула под ноги. В расщелине асфальта приветливо покачивалась молодая травинка, похожая на укроп.

Девушка вдохнула глубоко-глубоко. Набивший оскомину запах города исчез. Пахло только что разрезанным арбузом, свежими огурцами. Пахло невидимой пока мать-и-мачехой на пригорке. Пахло теплым юго-восточным ветром, расправившим крылья над лесом.

Пахло весной.

— На дальней станции сойду, — пропела Полина, безбожно фальшивя, — трава-а-а по пояс!

Где-то неподалеку утробно загудел шмель. Гудение становилось все громче, громче и наконец перешло в тарактение. Полина едва успела удивиться, а следом сообразить, что для шмелей еще не сезон, как из-за поворота, закрытого деревьями, вылетела ярко-желтая машина.

Это был невероятный автомобиль. Длинный, старомодного вида, он подпрыгивал на ухабах и сверкал на солнце хромированными деталями радиатора. От его цвета хотелось зажмуриться. Этот желтый напоминал не о нежных оттенках сливочного масла или насыщенном отливке утренней яичницы. Нет, это был цвет взбесившейся канарейки, гоняющей по комнате ополоумевшего рыжего кота. Безумный, яростный, ошеломляющий цвет!

Автомобиль лихо развернулся и затормозил у платформы. Водительская дверца открылась, и наружу вылез мужчина в кожаной курке.

В первую секунду Полина едва не шарахнулась в сторону.

Мужчина был пугающе высок, не меньше двух метров. Ей не доводилось прежде видеть людей такого роста. Худой, но не тощий. Лицо угрюмое, непроницаемое, с плотно сжатыми губами, к тому же заросшее щетиной. Правое ухо разорвано сверху, лоб перерезан, как морщиной, белым шрамом.

Вылитый бандит. Реликт девяностых, каким-то чудом оказавшийся за рулем необычной машины.

— Полина? — хмуро осведомился реликт, подходя ближе.

Подавив могучее желание сказать, что она — Света, девушка молча кивнула. Ей стало совсем не по себе. «Уголовник, причем контуженный. Таким нельзя противоречить, надо во всем соглашаться».

— Меня Доктор за вами прислал, — отрывисто сказал мужчина. — Садитесь.

И распахнул дверцу машины.

Полина не двинулась с места.

— Какой доктор? — вежливо спросила она, в уме просчитывая пути отхода. Получалось, что бежать можно только по шпалам за ушедшей электричкой, которую она так опрометчиво покинула.

— Что значит «какой»? — нахмурился водитель.

— Я имею в виду специализацию, — пояснила Полина с мягкостью дипломата, ведущего разговор с аборигенами Новой Гвинеи.

«Главное — не выводить его из себя, — вертелось у нее в голове, пока она мило улыбалась мужчине с изуродованным ухом. — Потянуть время — а там и следующая электричка подойдет».

— Это я без понятия, — грубовато бросил водитель. — Какую выберет, такая и будет.

От их беседы на Полину повеяло легким безумием.

— Ну, садитесь же! — проворчал мужчина. — Или хотите пешком идти? Здесь километра два будет. До поселка километр, и от него еще столько же.

Безумие рассеялось, как туман от дуновения ветра.

— Так вы от Ковальского! — воскликнула Полина, испытав невыразимое облегчение.

— А от кого еще? Я же сразу сказал — от Доктора. Так мы едем, или будете ждать автобус?

Полина уселась в автомобиль со смешанным чувством восхищения и страха. Эта машина казалась такой старинной! И такой элегантной...

Водитель лихо рванул с места, и вскоре платформа осталась за спиной.

— Как называется эта марка? — осмелилась спросить девушка.

— «Опель Олимпия», — неприязненно буркнул бандит. — Не отвлекайте меня, будьте любезны.

И пожалуйста, решила Полина. Не хотите общаться — не надо.

Она замолчала и стала смотреть в окно.

За окном проносились деревья, а вскоре замелькали и дома. Просторные каменные коттеджи, почти все двух— или трехэтажные, а вокруг них высоченные кирпичные заборы, наводившие на мысли о тюрьме. Участки — совсем крохотные. Дома смотрели окна в окна, тесно прижимаясь друг к другу. Вырвавшись из объятий города, люди все равно по привычке стремились загнать себя в заточение. Кое-где на заборах сверху виднелась колючая проволока.

Полина приуныла. Она не любила заборы: они будили в ней клаустрофобию. Ее бы воля, снесла бы все эти уродливые ограждения и поставила деревянные изгороди, не выше плеча. И еще вокруг не хватает деревьев. Как здесь стало бы чудесно, если посадить кустарники: сирень, черноплодную рябину и обязательно шиповник! Будь у нее дом...

Полина с силой ударила себя ладонью по коленке. От громкого хлопка водитель притормозил и уставился на пассажирку, отвернувшуюся к окну.

— Что такое?

Она здорово себя приложила. Он видел, что здорово! Какого черта она это сделала?

Девушка повернула к нему бледное осунувшееся лицо.

— Все в порядке, — ровно сказала она. — Вы не могли бы не тормозить так резко? Меня укачивает.

— Вы себя ударили.

— Комары, — отрезала девушка.

И, сочтя объяснение исчерпывающим, снова уткнулась в стекло.

«Да мне-то что... Хоть дятлы», — про себя пробормотал водитель.

Комары у нее! В апреле!

Он поглядывал на пассажирку исподтишка, ожидая новых фокусов. Может, она больна? Плохую затею придумал Доктор, никуда не годную. Но убедить его в этом пока не удалось. Остается надеяться, что Анжей увидит девчонку и сам поймет, что ошибся.

Поселок закончился, и дорога начала вилять. Машину заносило на крутых поворотах то вправо, то влево. Шофер прибавил скорость, искоса взглянув на пассажирку: если резкое торможение тебе не по вкусу, что скажешь об экстремальной езде?

Он отлично знал, что его желтобокая старушка может и не такое вытворять на дороге. Но она-то не знала!

И все равно молчала, словно воды набрав в рот. А ведь сперва он решил, что девушка болтлива.

Нет, пожалуй, его выкрутасы на дороге ее не впечатляли. А жаль! Как хорошо было бы привезти ее к хозяину мокрой, как мышь, и с позеленевшим лицом. Совсем прекрасно, если бы ее стошнило Доктору на ботинки. Ботинок Анжей не простил бы никому! Эх, какой план провалился...

Разочарованный водитель сбросил скорость.

А Полина перевела дыхание и украдкой вытерла вспотевшие ладони о пальто. Она панически боялась быстрой езды. Но просить угрюмого бандита ехать медленнее не согласилась бы ни за что на свете: ей было стыдно, что он один раз стал свидетелем ее слабости.

На ее счастье, дорога пошла ровная, почти прямая. Последний поворот — и Полина поняла, что они на месте.

«Опель» мягко затормозил у ограды. Шофер молниеносно подлетел к дверце — и вот уже почтительно стоит перед ней, приглашая выйти. Словно и не грубил всего десять минут назад.

Полина вышла, игнорируя поданную руку, — и совершила второе путешествие во времени.

Сначала ей показалось, что она перенеслась на много лет вперед. Когда исчезли каменные заборы, а хозяева не прилагают отчаянных усилий, чтобы спрятать от соседских глаз свой клочок земли.

Правда, здесь соседей и не было.

Длинный двухэтажный дом, крытый черепицей, был оплетен до самой крыши красноватой лозой: то ли виноградом, то ли плющом. Полина живо представила, как в мае эта буйная растительность накрывает всю стену зеленым одеялом, не оставляя и крошечного просвета. Справа и слева от дома две старые липы тянули друг к другу ветки над крышей. Просторная территория была обнесена невысокой изгородью, вокруг которой рос...

Полина ахнула и сделала шаг вперед.

Шиповник!

Много шиповника! Густые заросли, пока еще хранившие только намек на зелень, словно овечьи слабой, самой себе не верящей дымок. Многие годы побег переплетались, сцеплялись в нерасторжимых объятиях, сливались теснее и теснее и, наконец, торжествующе заполнили собой все пространство возле изгороди.

Все это вместе — и дом, оплетенный лозой, и липы, и шиповник — неуловимо отдавало старой Англией. Той, про которую Полина читала в книжках, где детей звали Джейн или Майкл, а на второй странице непременно появлялся дворецкий. Той, что на заставке в ее компьютере.

Нет, все-таки она не в будущем, а в прошлом, в его любовно перенесенном сюда волшебном уголке. Здесь стояла таинственная, завораживающая тишина. Тишина пруда, над которым склоняются ивы. Тишина сердцевины леса. Тишина английской сказки, которую вот-вот нарушит голос феи. Полине даже показалось, что где-то едва слышно звенит колокольчик, предвещающая ее приближение.

Но вместо феи сзади пробасил шофер:

— Идите, вас встретят.

Полина протиснулась в приоткрытую калитку, во все глаза глядя на дом. Она точно не

подойдет хозяевам, что бы ни писали они в объявлении. Ах, как жаль! Ей уже захотелось здесь жить, хотя она еще не пересекла порог особняка. Ради шиповника и лип она была готова мириться даже с шофером. (Вот в ком английского было не больше, чем в бублике!)

Дорожка вела прямоком к двери. Дверь тоже была необычная: полукруглая, темно-зеленая, и на ней красовалась бронзовая драконья морда размером с голову человека. Морда была отлита до того искусно, что прижатые к голове уши, казалось, трепетали от сквозняка.

Полина подошла ближе и заметила на стене колокольчик. Ветер играл хвостом шнура, привязанного к язычку, и по саду разносилось тихое серебряное дрожание. Так вот откуда звон!

Она осторожно взялась за шнур. Бронзовая драконья голова смотрела прямо на нее. Дракон ухмылялся. В выпученных глазах светилось предупреждение.

«Ну же, звони!» — приказала девушка.

Ей стало не по себе. Как будто сказка, которая творилась вокруг, незаметно затягивала ее в свою воронку, и от того, позвонит ли она в колокольчик, зависело, останется она здесь или сможет беспрепятственно вернуться в свой мир. Но Полина не знала, хорошая это сказка или плохая. Далеко не все английские сказки, которые она читала в детстве, заканчивались хорошо *для всех героев*.

Шнурок с узелком на конце подрагивал на ветру, но звон вдруг затих. Дом затаился, и липы замерли, словно все вокруг ожидало ее решения.

Полина обернулась, ища глазами шофера. В эту секунду она обрадовалась бы даже ему — зримому напоминанию о том, что ее воображение всего лишь пытается сыграть с ней шутку.

Но шофер исчез вместе с машиной, как сквозь землю провалился. Привез ее в заколдованный сад — и пропал.

Девушка снова посмотрела на колокольчик. Может быть, здесь есть звонок? Обычный электрический звонок!

Но звонка не было. И шторы на окнах не дрожали, и голоса не доносились изнутри.

Ветер пробежался по саду. Под его порывом шнур покачнулся и будто бы сам дотронулся до запястья девушки. Полина едва не отдернула руку — таким живым и вкрадчивым было это прикосновение.

«Дерни за веревочку, дитя мое, дверь и откроется...»

Она фыркнула, решительно тряхнула головой и позвонила — один раз, другой и третий.

«Динн-донн, динн-донн, динн-донн!» — разнеслось по саду.

А в следующий миг дракон на входной двери пошевелился.

Анжей не сомневался, что девочка закричит. Все кричали.

О, эта любимая шутка с драконом всегда приводила Доктора в восторг! Гости реагировали одинаково — визжали и отскакивали назад, причем некоторые демонстрировали чудеса прыгучести.

Но иногда визитеры преподносили сюрпризы.

Взять хоть того тихого человечка в помятом пиджаке. Чтобы расслышать его, Анжею вечно приходилось напрягать слух. Подозрение в убийстве жены — не самая приятная штука, но Доктор не сомневался, что этот скромник ни при чем. Пожелай он расправиться с бедняжкой, отравил бы ее или толкнул под поезд. Но задушить?! Бросьте! Времена романтиков, душивших своих жен, безвозвратно ушли в прошлое (Доктор думал об этом с легким сожалением, даром что не был женат).

Дело казалось ему совсем несложным. Ровно до тех пор, пока он не решил испытать Скромника драконом.

Когда «бронзовая» голова пошевелилась, тихий человечек выхватил из кармана кастет и с невероятной быстротой врезал по драконьей морде. Морда смялась, а человечек продолжал бить еще и еще, вколачивая кастет в дверь. Когда изумленный Доктор выскочил наружу, Скромник готовился нанести последний удар. И целую секунду, очень долгую секунду Анжею казалось, что сейчас этот удар достанется ему.

Мужчина пришел в себя, опустил руку и сунул кастет в карман, что-то растерянно бормоча. На глазах Доктора мужчина с реакцией гадюки превратился в того же несчастного, забитого человечка, каким и был десять минут назад.

Но Анжей слишком хорошо помнил его лицо. Лицо безумца.

Скромник неубедительно попробовал объяснить, откуда у него такое оружие. Но Доктор не слушал. В ответ на просьбу дать ключ он покачал головой: нет, для этого человека в его доме не было ключа. Многие считали Ковальского жестокосердной скотиной (не в последнюю очередь из-за шалости с драконом), но помогать убийце Доктор не собирался.

С девчонкой, которую привез Василий, такого не могло случиться. Доктор наблюдал за ней из потайного окошка, пока она медленно шла по саду, глаза вокруг. Невысокая, пухленькая, в ярко-красном пальто с капюшоном... Повзрослевшая Красная Шапочка.

Когда она подошла вплотную к двери, Анжей смог как следует рассмотреть ее лицо. Миловидная круглая мордашка в очках, на подбородке ямочка, и на щеках тоже две ямки, как вмятинки на свежей булочке. Славное личико, хоть и усталое. Прямоугольная оправка явно была выбрана за солидную форму. (Наверняка Красная Шапочка думала, что оправка придает ей деловой вид). Но очки делали ее похожей на школьницу, удравшую с уроков.

Смешная девчушка. Пожалуй, она ему нравилась.

Пока Анжей разглядывал ее, гостя колебалась. Что-то смущало ее — то ли в колокольчике, то ли в драконе. Был момент, когда Доктор почти уверился в том, что сейчас она развернется и уйдет.

Что ж, если так, значит, не судьба. Тогда он успокоится, решив, что сделал все, что мог.

Но Красная Шапочка все-таки не ушла. Она решительно прозвонила в колокольчик, и тут уж Доктор не мог удержаться от развлечения. Он сдвинул рычажок — и дракон начал двигаться.

Но ожидаемого визга не последовало. Девушка молча отпрыгнула в сторону и замерла, широко раскрыв глаза. На лице ее, кроме испуга, отразился какой-то детский восторг.

«Ей-богу, — подумал удивленный и озадаченный Доктор, — похоже, она не удивилась бы, если бы дракон полетел».

Больше медлить не стоило. Он распахнул дверь и вышел навстречу Красной Шапочке, гостеприимно улыбаясь:

— Здравствуйте! Вы, должно быть, Полина?

В первую минуту Полина так растерялась, что даже не поздоровалась. Вместо приветствия она брякнула:

— Вы знаете, что у вас дракон живой?

И тут же по лицу мужчины поняла, что сморозила глупость. По нему проскользнула тень довольной улыбки, которую хозяин постарался скрыть.

— Живой не живой, но уж точно не мертвый, — отшутился он. — Хотя мне встречались люди, верившие, что я где-то раздобыл настоящего дракона и вмуровал его в дверь.

Хозяин галантно протянул девушке руку, помогая ей выбраться из кустов, и подвел к дому.

— Качественная игрушка, — с гордостью заметил он. — С двух шагов не отличить от бронзы.

Полина осторожно коснулась пальцем драконьей морды и нажала на нее. Морда была мягкая, резиновая.

«Иллюзия!»

— Проходите. — Ковальский приоткрыл дверь. — Нам с вами есть о чем поговорить.

Внутри царил полумрак. После солнечного света Полина на некоторое время ослепла.

— Прошу сюда...

Дом с первого взгляда показался девушке заброшенным. Прошло несколько секунд, прежде чем она поняла почему: здесь, как и в саду, царила тишина. Не кричали дети, не лаяла собака. Ничей голос не доносился до них.

Они свернули в длинный коридор, стены которого украшали картины в тусклых золоченых рамах. Ковер заглушал шаги, и, кроме шуршания их ног, во всем доме не было слышно ни звука.

Коридор освещали неяркие лампы, расположенные над картинами. Их мощности едва хватало на то, чтобы подчеркнуть сами портреты. Но, может быть, именно из-за этого казалось, что они выполнены в необычайно реалистичной манере.

На всех портретах — только мужчины. «Похоже, какая-то династия», — решила Полина, поеживаясь от неприятного ощущения: ей чудилось, что люди на картинах смотрят ей вслед. Конечно, во всем виновата игра света, но идти под их пристальными взглядами было неприятно.

На первой, по виду самой старой картине, изображен был древний старик, сухой и хрупкий, как птичий скелет. Даже богатая темно-синяя мантия не скрывала его крайней худобы. Старик сверлил Полину черными глазами. Рука его лежала на набалдашнике посоха в виде черепа, выточенного из темного, почти черного дерева. На груди старика висел... Сначала девушке показалось — крест, но потом она разглядела, что это ключ. Большой серебряный ключ размером с ладонь, прорисованный не менее тщательно, чем лицо его обладателя.

На бордке ключа виднелись какие-то символы.

За стариком следовал почтенный худошавый господин в длинном плаще, за ним — серьезный юноша, почти мальчик. Следом на Полину воззрился с портрета крайне неприятный мужчина с тонким носом и губами, искривленными в злой усмешке. И у всех на груди висели ключи. Но у каждого — свой, непохожий на другие.

Портреты принадлежали разным эпохам, но во всех лицах проскальзывало неуловимое сходство. «Кто, интересно, все эти люди? — думала Полина, идя за молчаливым хозяином дома. — Хранители библиотеки? Или, может, казны?»

Следующим, что привлекло ее внимание после картин, были двери. Все — с правой стороны коридора, и все зеленые, но разных оттенков. С возрастающим изумлением Полина шла мимо узкой двери, похожей на створку шкафа, мимо высокой, почти до потолка, двери с вырезанными на ней птицами, мимо маленькой, в половину человеческого роста дверцы с окошечком...

Да кто здесь живет, в этом загадочном доме?! Карлик? Дети, чьим странным прихотям потакает отец? Художник, черпающий вдохновение в необычных предметах?

— Пришли, — сообщил хозяин, открывая последнюю зеленую дверь (к облегчению Полины, ничем не примечательную). Он обернулся, и его очки блеснули в слабом свете.

Полина, затаив дыхание, вошла в комнату, ожидая новых сюрпризов. Но комната соответствовала двери: самая обычная, с большим письменным столом у окна. Шторы были раздвинуты, и она наконец-то смогла как следует рассмотреть хозяина дома.

Если бы Полину попросили одним-единственным словом охарактеризовать нового знакомого, она без всяких сомнений сказала бы: значительность.

Анжей Ковальский был худ и невысок. Длинный нос с горбинкой, яркие, как у ворона, черные глаза, впалые щеки с румянцем цвета пыльной розы. Движения стремительные, но без капли суетливости. Одет щегольски и старомодно: темно-синий бархатный пиджак, черные брюки со стрелками, белоснежная сорочка, лакированные туфли. А из кармана пиджака выглядывает ярко-алый шелковый платок.

«Словно кровь выплеснулась», — подумала Полина. Что-то было в Анжее от вампира, но вампира сытого, довольного и *пока* не опасного.

— Прошу вас, раздевайтесь.

Полина несмело сняла пальто и привычным движением одернула рукава кофты. Она всегда закрывала толстые неизящные запястья. И вообще старалась замаскировать себя, спрятать под большим количеством одежды.

Кофта с широкими рукавами выполняла свою задачу: скрывала фигуру Полины уютными шерстяными складками. В ней девушка чувствовала себя как в коконе, надежно укрывающем от внешнего мира. Она — закуклившаяся гусеница. Некоторые могут подумать, что внутри бабочка, но сама Полина слишком хорошо знала, кто она такая. Один раз ей почти удалось обмануться, но потом все вернулось на свои места.

Полина села в кресло, стараясь занимать как можно меньше места, и положила руки на колени, словно послушная ученица. Подумала — и поправила очки. При ее минус двух можно было обойтись и без них, но тогда она бы выглядела совсем уж желторотым птенцом.

Тем временем хозяин сбросил пиджак и опустился за письменный стол. Его шею обвивала тонкая серебряная цепочка, прятанная под рубашкой. Полина заметила на ладони правой руки необычный шрам — в форме звезды. «Похоже, они все здесь со шрамами...»

— Итак, вы — экономка, — задумчиво сказал Анжей. — И зовут вас Полина. А дальше?

— Полина Аверина. Но я не совсем экономка. В смысле, никогда этим не занималась.

— А чем вы занимались?

— Продавала компьютеры, — честно сказала Полина. — Я менеджер, и неплохой.

— И что же заставило вас сменить специальность?

— Кризис. — Полина решила не вдаваться в подробности. — Я... попала под сокращение.

Пауза была совсем небольшой, но Ковальский вскинул на девушку глаза. Выдержать его взгляд оказалось непросто.

— Под сокращение... — протянул хозяин.

— Под сокращение, — твердо проговорила Полина, решив до последнего стоять на своем.

— Да, сейчас это со многими случается, — понимающе кивнул Анжей.

Слава богу, он не собирался выводить ее на чистую воду. Но Полину охватила откуда-то взявшаяся уверенность, что он прекрасно знает: она соврала.

— Вы замужем?

— Нет.

— Живете с родителями?

— Одна. Я снимаю квартиру.

«Такую квартиру, в которую не хотела бы возвращаться».

— И ищете работу экономки с проживанием?

— Я ищу любую работу, — прямо сказала Полина. — Но ваше объявление показалось мне особенно привлекательным.

— Отчего же?

Анжей откинулся на стуле, рука его сама потянулась к цепочке. Полина дала бы палец на отсечение, что на ней висит ключ.

— Вы не требуете опыта работы и рекомендаций, — несмело призналась она. — У меня их нет — значит, я вам подхожу.

— А как насчет всего остального? Вы процитировали только часть моего объявления.

Полина задумалась.

— Я полагаю, — после паузы ответила она, подбирая слова, — что умею управлять домом. У меня был такой опыт. Мне это нравилось. Конечно, все зависит от ваших требований, но мне очень хотелось бы попробовать. Я люблю животных, умею находить общий язык с людьми и надежно храню чужие секреты, если вы это подразумеваете под лояльностью к работодателю.

— Именно это, — подтвердил Ковальский, прищурившись. — Что ж... Теперь ваша очередь спрашивать.

— Сколько человек живет в доме?

— Постоянно — двое: я и мой помощник. Еще есть проходящая повариха и садовник. У него совершенно непристойное имя, и мы зовем его Армен. А с Василием вы уже знакомы, он встречал вас на станции.

— Ах, да! — спохватилась Полина. — Я забыла вас поблагодарить! Большое спасибо. У вас потрясающая машина.

— Да, она с характером, — согласился хозяин. — Поверьте, в наше время уже не делают таких автомобилей. А говоря шире — вообще вещей. Все становится обезличенным, унифицируется, спускается с конвейера тысячами, чтобы через пять-десять лет на другом конвейере ехать обратно, уже в утиль. Поэтому я так привязан к старым вещам. А вы — что

вы думаете о них?

Полина помолчала. Можно было отшутиться, но она решила ответить серьезно.

— Я их побаиваюсь. Не всех, конечно... Некоторых.

Собеседник понимающе кивнул:

— Так и должно быть. Значит, вы немного понимаете в этом. Нынче люди с таким опрометчивым восторгом относятся к тому, что называют «винтаж», что мне иногда становится страшно за них. Они не понимают, с чем имеют дело. Не осознают, каким могуществом, какой силой могут обладать вещи, особенно — хорошо пожившие, впитавшие вкус времени. Ведь характер прежних владельцев неизбежно накладывает на них свой отпечаток.

Анжей достал из ящика письменного стола трубку, кiset, разложил перед собой и начал неторопливо набивать ее табаком. По комнате разнесся горьковатый запах.

— У меня была перламутровая шкатулка... Прелестная вещица, самое начало семнадцатого века. Я купил ее на аукционе и не сомневался, что сделал хорошее приобретение. Она предназначалась для запонок — их у меня великое множество. Но я так и не смог использовать ее. Крышка у шкатулки была с острым краем, и всякий раз, когда я брал ее в руки, мне казалось, что она пытается меня укусить. Несколько раз я нешуточно ранил пальцы. А когда дело дошло до содранного ногтя, заинтересовался всерьез.

Потребовалось время, чтобы выяснить, кто владел этой недоброй вещицей. Как только я узнал, что следы ведут в Венгрию, у меня почти не осталось сомнений. И я оказался прав. Эржебет Батори, венгерская графиня — вот чья собственность попала в мои руки. Вы знаете, наверное, чем знаменита Эржебет?

Полина покачала головой.

— Ну как же, — огорчился Анжей. — Батори убивала девушек, своих служанок. Считала, что их кровь поможет вернуть ей молодость. Количество ее жертв точно неизвестно. Говорят о трехстах, но, думаю, это преувеличение. Дело даже не в жертвах, а в том, что графиня была крайне жестока. Вы не представляете, на какие ухищрения она шла, чтобы получить как можно больше крови из каждой бедняжки, попадавшей к ней в руки.

Он отложил трубку в сторону и потер след на пальце.

— До меня шкатулка принадлежала частному музею, а тот выставил ее на продажу. Уверен, это один из тех предметов, которыми графиня пользовалась постоянно. Она любила роскошь. Представьте, как эта вещица капля за каплей впитывала в себя флюиды, исходившие от графини. Как она насыщалась ее ненавистью! Подумайте о том, какова была сила этой злобы, если за столько лет из крошечной шкатулки не выветрилась жажда крови. Впрочем, время частенько идет не на пользу вещам. Я имею в виду, что некоторые из них только закаляют свою злость в его горниле.

Он замолчал. Полина тоже молчала, не зная, как реагировать на монолог хозяина. Ей было не по себе от всего услышанного.

Наконец она решилась вернуться к прежней теме.

— Вы сказали, в доме постоянно проживает два человека. Но ведь еще бывают гости?

— О, очень часто! — воскликнул Анжей. — В этом-то и сложность! Ко мне приезжают клиенты, и некоторые остаются на несколько дней. На это время дом превращается в гостиницу. Я ищу женщину, которая сможет быть хозяйкой моего маленького отеля. Женщину сметливую, деловитую, хозяйственную и деликатную. Умеющую хранить секреты. А секретов, поверьте, в этом доме много...

Что-то зловещее прозвучало в последнем предупреждении. Но Полина не успела обдумать слова хозяина — он пояснил:

— Видите ли, я помогаю людям. В каком-то смысле меня можно назвать врачом. Психотерапевтом, быть может... Ко мне часто приходят пациенты с большими проблемами, и волей-неволей вы будете посвящены в некоторые из них.

— Я буду помогать вам вести прием? — ужаснулась Полина.

Анжей от души расхохотался.

— Боже мой, милая девочка, ну, конечно же, нет! Но представьте: вы будете видеть разных людей, в том числе очень известных. Каждый день слышать их разговоры за столом, наблюдать за ними. Тайной должен быть сам факт, что эти персоны обращаются ко мне. Поэтому я требую от вас молчания, деликатности и умения быть невидимкой.

«Он как будто уже решил взять меня на работу, — подумала Полина. — Но ведь мы ни о чем толком не поговорили...»

— Я предлагаю вам комнату на втором этаже, — продолжал Анжей. — Предыдущих экономок она вполне устраивала. В вашем распоряжении будет машина, а Василий всегда придет на помощь, если потребуется. Я плачу в месяц... — Он назвал сумму, и Полина широко раскрыла глаза. — Но желаю, чтобы вы были здесь неотлучно, семь дней в неделю. Два выходных в месяц и три дня отдыха на новогодние праздники. Вам походит?

Он надел очки и вопросительно посмотрел на Полину.

— Но вы... Вы ничего не знаете обо мне, — пробормотала она.

— Вы мне это уже говорили сегодня утром по телефону. Надеюсь, я доказал вам обратное.

— Мне всего двадцать три года!

— Юность не порок, а преимущество.

— Я никогда не работала экономкой!

— Вы пытаетесь убедить меня, что не подходите для этой должности? Ваши старания напрасны. — Ковальский усмехнулся. — Я уже решил: вы — то, что нужно. Завтра Василий поможет вам перевезти вещи, и с четверга можете приступать.

— Ни в коем случае! — воскликнула Полина, представив, на что будет похожа помощь водителя. И, поймав удивленный взгляд Анжея, добавила: — Спасибо, я справлюсь сама.

— Не волнуйтесь. Вас, наверное, немного испугал мой помощник? Но Вася сейчас тихий.

Полине немедленно захотелось спросить, долго ли продлится это «сейчас», по каким признакам можно узнать, что оно заканчивается, и есть ли в доме подвал, где можно забаррикадироваться изнутри. Последний вопрос она, подумав, сочла совсем негодным и задала вслух только первые два.

— По-разному, — уклончиво ответил доктор. — Не беспокойтесь, я вас предупрежу, если что-нибудь начнется.

Это был последний аргумент в пользу того, чтобы немедленно встать, поблагодарить доктора за потраченное время и вежливо отказаться от его предложения. Но Полина почувствовала непонятную слабость. Анжей пристально смотрел на нее своими колдовскими черными глазами, вертя в пальцах невесть откуда взявшуюся монетку.

«Монета... Деньги... У меня будут деньги...»

Здесь какой-то подвох. Не связывайся!

«Я не найду работу лучше этой».

Ты не знаешь, что тебе предлагают. Это похоже на ловушку. Все слишком заманчиво и просто.

«Господи, да кому я нужна?! Что, разобрать меня на органы? Глупости! Он просто человек с причудами».

Со слишком большими причудами.

Анжей крутил монетку, и блики разбегались по столу. Полина ощутила, что ее клонит в сон.

Где-то вдалеке еле слышно прозвонил колокольчик.

— Мне кажется, вы устали, — озабоченно сказал хозяин и встал. — Я попрошу Василия отвезти вас домой.

Полина хотела отказаться, но вспомнила электричку, вонючие спины, давку — и не нашла в себе сил сказать «нет». Она с трудом поднялась, сдерживая зевотку. Господи, почему же так хочется спать?

Ковальский проводил ее до калитки. Автомобиль уже ждал, хотя девушка не помнила, чтобы хозяин при ней звонил водителю.

— Все инструкции в четверг, — деловито сказал Доктор. — Вот моя карточка, если будут вопросы. До свиданья.

Полина, совершенно обессиленная, упала на заднее сиденье. Когда автомобиль тронулся, она посмотрела назад. Но у калитки, где только что стоял мужчина в бархатном пиджаке, уже никого не было.

По дороге домой ее не отпускала мысль, что она не спросила о чем-то важном. «Да ведь я ни о чем его не спросила! Не собеседование, а какой-то театр одного актера!»

И все же было что-то такое, о чем следовало узнать. Причем до того, как выйти на работу.

На огромной скорости они проскочили МКАД, объехали две пробки, лавируя и перестраиваясь. В другое время Полина была бы испугана такой ездой.

Но не сейчас. Сейчас она пыталась переварить прошедшую встречу.

И только тогда, когда бешеный «опель», высадив ее у подъезда, исчез за поворотом, Полина вспомнила.

Она забыла спросить, что случилось с предыдущей экономкой.

Вернувшись домой, Василий загнал машину в гараж и направился напрямик в оранжерею. Доктор был там: бродил между розовых кустов, наклоняясь то к одному цветку, то к другому.

— Знаю, она тебе не понравилась, — сказал он, не оборачиваясь, когда помощник вошел. — Но ничего не поделаешь. Привыкай.

Василий молчал.

— Если тебя это утешит, могу сказать, что у нее еще есть шанс передумать.

Василий молчал.

— Я не давил на нее, — сказал Доктор с легким раздражением. — А если бы и захотел, это не так-то просто. Она упряма и недоверчива. К тому же ты напугал ее своими манерами.

Василий молчал.

— Ну все, хватит! — рассердился Анжей. — Ступай и приготовь все к ее приезду.

Василий вышел, согнувшись, чтобы пройти в дверь. Доктор фыркнул и погрузил лицо в только что распустившийся, нежный, как свежий снег, цветок розы сорта «Дороти Перкинс».

Полина несколько минут бесцельно ходила по комнате, пока не вспомнила, что она в пальто и в обуви. Разделась, ощущая, что в горле пересохло, налила из-под крана воды в чайник, но забыла включить его. А когда спохватилась, чая расхотелось. И сон, так внезапно одолевший ее в доме Доктора, улетучился, словно его и не было.

«У Доктора?»

Она сама не заметила, как стала называть его так.

«Но я так и не узнала, кто он. Пациенты, дом, который иногда превращается в отель... Может, Анжей лечит сумасшедших?»

— По правде говоря, он и сам похож на сумасшедшего! — вырвалось у нее.

Но это было неправдой. На ученого, на вурдалака, на колдуна — на кого угодно! Но только не на безумца...

«Кто вы, господин Ковальский?»

Полина хлопнула себя по лбу и бросилась в прихожую. В кармане пальто нашлась визитная карточка, которую дал ей Доктор перед отъездом.

Только имя. Тонкой серебристой вязью, напомнившей Полине ключ на его шее: *Анжей Ковальский*.

Полина открыла портативный компьютер и торопливо вбила имя в строчку поисковика. Десять минут спустя она отодвинулась от стола и закрыла ноутбук.

Интернет, который знает все, конечно же, знал и об Анжее Ковальском. Его осторожно называли психотерапевтом, говорили о нетрадиционных способах лечения... Ни в одном чате, ни на одном форуме Полина не нашла и намека на то, что доктор Ковальский в полнолуние сдирает с себя одежды и бегаёт нагишом по лесу или что он ест на завтрак молоденьких экономок. Никаких чрезвычайных происшествий, связанных с домом в «Синих ключах». Никаких нераскрытых преступлений, свежих трупов, свидетельств покусанных очевидцев...

Ничего.

Рациональная часть Полины требовала немедленно начать паковать вещи.

Иррациональная упрямо продолжала твердить, что здесь что-то не так.

— Я просто осмотрюсь там немного, — в конце концов произнесла вслух Полина. — Поживу там пару недель, а если мне не понравится, уеду. Никто не сможет меня задержать, ведь так? Ничто не помешает мне отказаться в любой момент, как только я захочу отыграть назад.

Полина Аверина даже не представляла, насколько она ошибается.

На следующий день молчаливый Василий подвез ее к дому Ковальского. В багажнике желтого «опеля» лежал один-единственный небольшой чемодан. В нем были все вещи Полины.

Девушка вышла из автомобиля и с независимым видом поправила воротник пальто.

Сегодня дом прятался в тумане. Глухое серое облако расплзлось по саду, скрывая шиповник и липы. Воздух был влажен, и морось оседала на пальто. Полина поднесла к глазам рукав: крошечные капельки сверкали в его ворсинках, точно во мху. Только мох был красным.

Когда она подошла к дому, навстречу ей вынырнула из тумана драконья голова. Полина

поежилась, вспомнив вчерашнее, и осторожно протянула руку.

«Сейчас как цапнет!»

Но теперь, когда она знала, что это всего лишь хитроумно сделанная механическая игрушка, ей не было страшно всерьез.

И дракон остался неподвижен. Полина дотронулась до шершавой резиновой морды, имитирующей металл, и даже осмелилась фамильярно потрепать зверя за ушами.

— Позвольте, — глухо сказали за ее спиной.

Полина так и подскочила.

Позади нее с непроницаемым лицом стоял Василий и держал в руке чемодан.

— Господи, вы меня напугали! Я думала, вы остались в машине!

— Доктора нет. Я провожаю, — лаконично объяснил водитель.

Вслед за ним Полина вошла в дом и поднялась на второй этаж. К ее радости, здесь не было жутковатых портретов. И двери были одинаковыми: почтенными дверями из дуба, без всяких странных ручек, окошек и звериных голов.

— Здесь, наверное, комнаты для гостей? — спросила Полина, торопясь за Василием. На один его шаг приходилось три ее, и к концу коридора она уже успела запыхаться.

— И для гостей тоже, — туманно ответил тот. — Пожалуйста.

С этими словами он распахнул крайнюю дверь. Сгорая от любопытства, Полина заглянула внутрь.

Комната оказалась квадратной, небольшой, но с высоким потолком и очень светлой. По углам — два вместительных шкафа, на стене огромное зеркало в старинной оправе, у окна — диван и небольшой письменный стол. Узкая дверь справа, очевидно, вела в душевую.

Полина подошла к окну, выходящему на задний двор. Первое, что она заметила — оранжерею, похожую на кусок льда, не растаявший после зимы в глубине сада. Внутри буйствовала зелень с вкраплениями пятен розового, бордового, желтого.

— Там цветы! — восхитилась Полина. — Как много! Что это — орхидеи?

— Розы, — с отвращением уронил Василий. «Как будто у него личная неприязнь к розам», — подумала Полина, но в следующую секунду сообразила, что неприязнь у него не к цветам, а к ней.

Ну и пусть! Она еще раз оглядела комнату и совершенно успокоилась: мило, уютно и в тысячу раз лучше, чем там, где она жила.

Осталось только услышать распоряжения от Ковальского.

Полина подняла глаза на Василия.

— Когда вернется... Доктор?

— Скорее всего, к двум часам, — сухо проинформировал тот. — Через час в кухне будет накрыт для вас обед. Я могу быть еще чем-нибудь полезен?

— Нет, спасибо, — рассеянно поблагодарила Полина.

Василий кивнул и вышел.

Но едва за ним закрылась дверь, девушка спохватилась.

— Постойте! — Она высунулась в коридор. — Послушайте, Василий...

Шофер нехотя остановился.

— Я хотела узнать... Та экономка, что была до меня... Она давно уволилась?

Лицо Василия осталось непроницаемым, но Полине показалось, что в глубине темных глаз что-то мелькнуло.

— Она не увольнялась, — сказал он. — К тому же это была не она.

— А кто? — глуловато спросила Полина.

— Он. Эконом.

И, решив, что ответил исчерпывающе, Василий направился к лестнице.

Но Полиной овладело упрямство. К тому же ей хотелось прояснить хотя бы этот несложный вопрос.

— А если он не уволился, то что с ним случилось? — громко спросила она у спины водителя.

Василий на секунду задержался, прежде чем свернуть на лестницу. Полине показалось, что сейчас он уйдет, ничего не сказав.

Но тот снизошел до ответа.

— Нам с Доктором это неизвестно.

— То есть как — неизвестно? — пробормотала Полина. — А кому известно? Он что, пропал?

И тут водитель все-таки повернулся к ней. Хотя их разделяло не меньше десяти метров, Полина готова была поклясться, что в его глазах светилось злорадство.

— Может быть, и пропал. Но я предполагаю, что он сбежал.

— Сбежал. Сбежал-сбежал-сбежал! Сбежа-а-ал?! — бормотала Полина на разные лады, доставая вещи из чемодана. Чемодан, раскрыв пасть, покорно слушал.

«Им с Доктором это неизвестно! Ха!»

Полина выпрямилась, обличительно вытянула вперед руку и произнесла краткий, но выразительный монолог. Суть его сводилась к тому, что нельзя доводить экономов и экономок до такого состояния, чтобы они сбежали от работодателей.

Но потом ее осенила новая мысль.

— Может, он просто пугает меня? — спросила она у чемодана. — Хочет, чтобы я побыстрее убралась отсюда? Ну уж нет, не получится. Я не сбегу и не пропаду.

Полина повесила пальто в шкаф, разложила свитера, выставила в ванной скляночки с кремами. Оторопь, вызванная словами Василия, понемногу растворялась в хлопотах.

«Нужно потихоньку обживать это место. Пока все непривычно, но это пройдет со временем. Главное — вести себя уверенно».

Девушка открыла второй шкаф и с удивлением уставилась на длинное клетчатое платье, висевшее внутри. К вешалке прилагалась бирка с надписью «Униформа». Полина вынула платье, потрогала ткань... Никаких сомнений: вещь совершенно новая.

«Это мне?»

Встав перед зеркалом, Полина приложила к себе платье. Серо-голубая клетка, надо признать, ей шла.

Но, разглядывая свое отражение, девушка внезапно поняла, что ее жизнь в этом доме не будет простой. Она еще не приступила к работе, а ей уже не нравится такое начало. Кто выбирал для нее это платье? Не сам же Ковальский поехал вчера вечером в магазин и приобрел его. И что, если оно не подойдет ей? Обтянет со всех сторон, и получится из Полины перевитая гусеница. А экономка не должна быть гусеницей! Она должна быть тонкой, как Мэри Поппинс, с прямой спиной и осиной талией!

Полина вздохнула: делать нечего, придется подчиниться молчаливому указанию Ковальского.

Она переделалась в платье и с опаской посмотрела в зеркало.

Нет, пожалуй, не гусеница. Хуже: румяная толстуха с кудряшками. Ах, какой пошлый

образ вместо вожделенной Мэри Поппинс: ни дать ни взять, девица с немецкого праздника «Октоберфест», какая-нибудь Гертруда, несущая пиво своему Гансу.

И, как назло, рукав у платья — три четверти. А это значит, что ее по-крестьянски крепкие запястья видны всему свету. «Колхозная порода», — говорил Дима. Да, так оно и есть.

Первым желанием Полины было немедленно сорвать с себя это платье, бесцеремонно навязанное хозяином. Она не будет его носить! В нем она похожа на колбасу в перетяжках! Нет, на перезревшего Купидона! Разве что лука и стрел не хватает...

Издаваясь над собой, девушка вскинула левую руку вверх, правую согнула в локте, точно прицеливаясь. И бросила взгляд в зеркало.

А в следующую секунду расхохоталась и смеялась до тех пор, пока на глазах не выступили слезы. Отражение было безжалостно к ней. Самого стойкого влюбленного этот Купидон испугал бы до икоты.

— Медвежата толстопятые, — пробормотала Полина, вспомнив старый детский стишок.

Что ж, толстопятые так толстопятые.

Вспышка помогла ей успокоиться, а жестокий смех отрезвил. Что бы она ни надела, все равно будет выглядеть несуразно. Так почему бы и не платье, раз уж господину Ковальскому хочется видеть свою экономку расчерченной в крупную клетку?

Полина поправила кружевной воротничок, вскинула голову. Будь что будет, но она начнет работать в этом доме.

Когда-то бабушка дала совет: «Если тебе тяжело, иди маленькими шагами». Тогда Полина не поняла, что это значит.

«Делай то, что должна, по чуть-чуть, — пояснила бабушка. — Не заглядывай в будущее. Не думай даже о том, что случится завтра. Помой посуду. Вытри пыль. Напиши письмо. Свари суп. Видишь? Ты идешь маленькими шагами. Сделала шаг, остановилась, передохнула, похвалила себя. Потом другой. За ним третий. Ты сама не заметишь, как твои шаги станут шире. Наступит время, когда ты сможешь подумать о завтрашнем дне без слез».

Полина запомнила ее совет. Бабушка знала, о чем говорила. Она пережила смерть любимого мужа, отъезд сына в другую страну, да много чего еще...

— Пойду маленькими шагами, — шепотом сказала Полина.

Она еще раз взглянула в зеркало и поморщилась: кудряшки так и вились вокруг лица, придавая ей налет невинной глупости. Пришлось высыпать из косметички пригоршню шпилек и на скорую руку соорудить на голове пучок.

Да, так гораздо лучше. Она выглядит старше и солидней. Еще нацепить очки — и образ экономки завершен.

«Ох, главное, чтобы те, кто должен будет меня слушаться, тоже решили, что я взрослая и солидная. Интересно, сколько их, этих людей? Кто готовит, убирается в доме? И кто ухаживает за садом?»

Ответ на последний вопрос Полина получила почти сразу. Ее внимание привлекло какое-то движение за окном. Девушка подошла ближе и возле оранжереи увидела невысокого чернявого человека с ведром в руке. Человек был кучеряв и носат. Он обошел вокруг теплицы, помахивая ведром, и растворился за деревьями.

Полина взглянула на часы. До обеда всего пять минут.

Пора!

Месяц спустя

Первый раз будильник прозвенел в шесть сорок пять. Нежно, мелодично пропел: вставай, милая Поленька, уже рассвело.

Милая Поленька, со школы не любившая ранние подъемы, мысленно сказала «да-да, сейчас» и повернулась на другой бок.

Второй сигнал раздался через десять минут. Но уже не певучие трели, а торжественное: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!»

Тут уж пришлось проснуться. Для самых упорных сон существовал третий сигнал: выждав для приличия еще пятнадцать минут, будильник принимался истошно вопить: «Проспали! Мы проспали! Проспали! Мы проспали!»

Даже бодрствующий человек, услышав этот вопль, подскакивал на месте. Поэтому Полина давала себе поблажку только до второго звонка.

Она не вскакивала сразу, а лежала пару минут, потягиваясь, разминая пальцы. Анжей как-то обронил в разговоре с Василием, что нельзя сбрасывать тело с кровати сразу, нужно дать ему время очнуться. «Ты наблюдал, как просыпаются кошки? А собаки? — строго спросил он. — Если они вскакивают по тревоге, то потом долго приходят в себя. Порядочное животное никогда не заставит себя вскочить, как только проснулось. Кошка полежит с открытыми глазами и лишь потом неспешно поднимется. Собака встанет, не торопясь, и потянется. Не считай себя умнее природы, Вася! Не вреди себе резкими подъемами».

Полина запомнила его слова и применила на практике. Просыпаться сразу стало легче. Главное, она больше не чувствовала противной вялости по утрам, когда руки болтаются безжизненными макаронинами, а пальцы не держат расческу.

Итак, без пяти семь. Умыться, застелить кровать. Пока впитывается крем, можно подойти к окну. Армен уже трудится в оранжерее — значит, день начался нормально. (Несколько раз Полина не обнаруживала садовника на привычном месте, и после этого все шло наперекосяк).

Семь пятнадцать: закрутить волосы в строгий пучок, тронуть ресницы тушью, чтобы не выглядеть красноглазым кроликом. С волосами вечно непорядок: пряди выбиваются, что с ними ни делай. Пытаться убрать их — все равно что причесывать одуванчик.

Семь двадцать пять: надеть платье, нырнуть в удобные туфли на невысоком каблучке. Полина поежилась от прикосновения шерстяной ткани к шее. Как будто кто-то дотрагивался до ее кожи рукой в варежке. Зато последние остатки сонливости растворились без следа. Теперь в один карман платья сунуть телефон, в другой — блокнот, и она готова.

Семь тридцать две: по коридору налево и вниз, и в дальнее крыло дома — туда, откуда доносится запах творожного пудинга, свежего чая с мятой, малинового варенья.

Полина вошла на кухню ровно в семь тридцать пять. Клара Ивановна уже собиралась уходить и стянула с головы косынку.

Эта косынка каждое утро поднимала Полине настроение. Она была расписана веселенькими поросятами, копиями Клары Ивановны: кругленькими, толстенькими и розовыми, как бутончики.

— Полина Аркадьевна, я все узнала: за торт просят двадцать тысяч, — сообщила повариха, поздоровавшись.

— Совсем с ума сошли! За что такие деньги?

— Вот и я то же самое подумала, — доверительно сказала женщина. — В два раза дешевле можно найти. Низкокалорийный, без всякого ущерба для фигуры.

— Ничего, — пробормотала Полина, помечая в блокноте, — пусть будет с ущербом. Главное, чтобы вкусный.

Повариха повесила фартук на крючок, придирчиво оглядела кухню: все ли чисто.

— Так я могу идти, Полина Аркадьевна? К двенадцати вернусь, как обычно.

— Да-да, Клара Ивановна, конечно.

— Всего хорошего!

Женщина ушла. Полина заглянула в столовую и убедилась, что стол накрыт для завтрака. Можно спокойно выпить кофе. Ковальский спустится через двадцать минут и останется доволен: все приготовлено именно так, как он любит.

Предыдущую повариху звали Верой. Широкоплечая болтливая баба постоянно опаздывала на работу и была неряшлива. Готовила она хорошо, но Анжей, спускаясь на завтрак и завидев ее, отчего-то всякий раз тяжело вздыхал.

Полина стала наблюдать за поварихой. И обнаружила, что Вера, пропустив автобус, без стеснения звонит Василию и требует забрать ее от станции на машине. Водитель подчинялся, не желая оставлять хозяина без завтрака.

Когда Полина окончательно убедилась в этом, она пришла на кухню.

— Вера, мне нужно с вами поговорить. Вы часто опаздываете, мне это не нравится.

— Так от самой Москвы электричкой еду! — жизнерадостно сказала Вера. — Как не опоздать-то? Бывает, промахиваюсь мимо автобуса.

— Чтобы не промахиваться мимо автобуса, можно ездить той электричкой, которая идет на полчаса раньше. Тогда вы будете все успевать.

— Ай, да ладно! И так все нормально. Каждый день завтрак готов по времени, как надо.

— Потому что вас привозит Василий, — спокойно сказала Полина. — Мне не хотелось бы, чтобы вы дергали его в шесть утра. Встречать вас не входит в его обязанности.

Повариха выкатила круглые голубые глаза.

— Так ведь если он меня подвозить не будет, мне придется пешком от станции идти! Я на это не подписывалась!

— Вот я и прошу вас, — терпеливо повторила Полина, — успевать на первую электричку. Тогда с автобусом не будет проблем. С вами ведь это обговаривали, когда принимали вас на работу?

Лицо Веры выразило: «ничего не знаю, ничего не помню».

— Обговаривали, обговаривали, — заверила Полина. — Поэтому давайте условимся так: больше никаких опозданий.

— Ну, хорошо, — пожала плечами Вера.

— С завтрашнего утра, — настойчиво сказала Полина. — Вера, если вы еще раз опоздаете, я вас уволю. И не думайте, что я шучу.

— Да ради бога! — огрызнулась Вера.

На следующее утро она, конечно, опоздала.

Вера рассуждала так: от поварихи требуется одно — вкусно готовить. А уж во сколько она приходит-уходит — дело второе. Чай, не в тюрьме, чтобы по звонку прибегать. А Василий у хозяина и за водителя, и за дворника, и за помощника на все руки. Не переломится, если проедет с утра до станции и обратно. Иначе зачем его держать, дармоеда!

Девчонку-экономку Вера твердо решила поставить на место. Уволит она ее, вы подумайте! «Я тебе еще покажу, кто кого уволит, — злорадно думала женщина. — Таких, как ты, головастика — пруд пруди, а вот хорошую повариху попробуй отыщи! Да еще такую, чтобы согласилась ездить в этот медвежий угол».

Вера любила скандалы. Прежде она работала в большом коллективе муниципальной столовой и могла отвести душу, не отходя от плиты. А у Ковальского что? Пришла, приготовила завтрак-обед-ужин — и «до завтра, Вера Игнатьевна, спасибо вам большое». Что за люди! Скушные, одним словом. Если бы не общественный транспорт с его склоками на пустом месте, Вера совсем захирела бы в тоске.

С появлением Полины она начала предвкушать стычку. Девчонка-то не из тех, кто умеет договариваться по-хорошему. Принципиальная, по очкам видно! Значит, будет Вере и развлечение, и отдых для души.

Утром, выйдя из машины Василия, повариха сразу заметила экономку. Та стояла в дверях, ждала ее. Вера захохла, всплеснула руками и засеменила к дому, внутренне хмыляясь: ну-ка, попробуй, отчитай меня!

«Вот я, такая несчастная, тороплюсь к тебе, — было написано у нее на лице. — Уже немолодая женщина, не очень здоровая... Неужели у тебя, сопливой девицы, хватит совести меня отругать?»

— Виновата, виновата! — громко покаялась Вера, подходя. — Чутьочку совсем проспала. Так устала вчера, так устала... Я ведь еще по вечерам работаю. А что делать? Выживать как-то надо!

— Здравствуйте, Вера, — сказала Полина. — Я вас увольняю.

Повариха остолбенела.

— Ваши вещи на кухне, — продолжала экономка. — Деньги сейчас получите.

— Как это?! — воскликнула Вера, приходя в себя. — Ты что же это говоришь?

Девушка пожала плечами.

— Я предупредила вас вчера, чтобы вы не опаздывали.

— Да кто ты такая, чтобы меня предупреждать? — заорала Вера, покраснев. — Ты здесь без году неделя, ничего не знаешь! Сюда никто, кроме меня, из Москвы таскаться не станет, дураков нет! Ты ж сама потом приползешь и будешь упрашивать, чтобы я вернулась!

Ее мощный голос разносился по всему саду.

— Вера, достаточно, — попросила Полина. — Перестаньте кричать: вы разбудите Анжея.

— А пускай! Пускай он спустится, и я с ним поговорю! — бушевала повариха. — Анжей Михайлович! Анжей Михайлович!

— Еще раз крикнете, и я вам устрою неприятности, — мягко пообещала экономка.

Очень мягко. Так мягко, что Вера посмотрела на нее — и осеклась.

Выражение лица девчонки не оставляло сомнений, что действительно устроит. «Василия вызовет, — сообразила Вера. — Нажалуется ему».

В глубине души она боялась водителя. Использовала без стеснения, но боялась. Рожа свирепая, руки как грабли, а за прерванный сон хозяина глотку перегрызет. Зря она подняла крик.

Вера попыталась зайти с другой стороны.

— Слушай, это последний раз! Будь человеком! Ну, опоздала, с кем не бывает. Больше не буду, вот те крест! Пешком от станции пойду! На коленях поползу!

Вера истово перекрестилась, с силой ударяя себя в грудь.

— Будете, Вера, — со вздохом сказала Полина. — Вы по-другому не умеете.

Повариха поняла, что спорить бесполезно. Девушка стояла насмерть.

— Посмотрю я на тебя через неделю, — прошипела она. — Когда тебя саму пинком под зад отсюда вышвырнут! Домоправительница хренова.

Когда Вера ушла, ругаясь и плюясь, Полина вернулась в кухню и дрожащими руками налила воды. При поварихе она прилагала все усилия, чтобы выглядеть невозмутимой. Но чувствовала себя премерзко. Раньше ей не приходилось увольнять людей. Оказалось, что это довольно противно.

«Когда увольняли *меня*, было легче».

Полина сама приготовила завтрак для Анжея, накрыла на стол и задумалась. Вера сказала, что никто не станет приезжать сюда на работу из Москвы.

«Из Москвы — может быть. Но кто сказал, что повариха обязательно должна быть оттуда?»

В тот же день Полина обошла поселок и обклеила столбы объявлениями. Уже через час ей позвонили.

— Здравствуйте, — прошептал робкий женский голос. — Меня зовут Клара Ивановна. Кажется, я хочу у вас работать.

Так в доме Ковальского появилась новая повариха. Она не опаздывала и беспрекословно выполняла все требования Полины. Хотя некоторые из них наверняка казались ей более чем странными.

Доктор сделал вид, что ничего не заметил. Полина сделала вид, что не заметила, как он доволен.

К ее облегчению, больше никого увольнять не понадобилось. Уборкой в доме занимались две молчаливые женщины, мать и дочь, приезжавшие дважды в неделю. По некоторым признакам Полина догадалась, что они давно знают Анжея. Доктор абсолютно доверял им и был с обеими очень ласков.

Полина не раз пыталась с ними поговорить, но помощницы только молча кивали головами и испуганно тараторили на нее. В конце концов девушка махнула на них рукой и отступила. Убирают на совесть — и ладно.

Зато веселый садовник Армен оказался словоохотливым. Правда, говорил с таким сильным акцентом, что Полине почти ничего не удавалось разобрать. И руками махал как мельница: того гляди заедет по носу. Полина, заглядывая в оранжерею, старалась держаться от него подальше и только приветливо улыбалась издали.

Садовник жил над гаражом, где стояли машины Ковальского: бешеный желтый «опель», работяга-«рено» с большим багажником (на нем они с Василием ездили за провиантом), тяжелый черный «мерседес», зловеще поблескивавший из угла. Полина никогда не замечала, чтобы его использовали.

Садовник в дом не заходил, не обедал и вообще держался на отшибе. Полина ни разу не видела, чтобы Доктор давал ему указания. Носатый Армен появлялся из ниоткуда, трясая шапкой черных кудрей, и исчезал в неизвестном направлении. Девушке так и не удалось проследить, как он идет в свою каморку над гаражом. И ни разу она не заметила, чтобы он выходил оттуда. Чистое волшебство: смотришь на оранжерею — в ней пусто, а через десять секунд там уже колдует над розами садовник.

Но вопросов Полина не задавала. Как-то интуитивно понимала, что делать этого не

следует.

Или вот взять Василия. Вид устрашающий, манеры грубые. Пребывает всегда в одном из двух состояний: либо молчит, либо огрызается. Кажется, воспринимает дом Ковальского как корабль, несущийся полным ходом. А женщинам, как известно каждому моряку, на корабле места нет, ибо они хуже крыс.

И вдруг появляется Полина Аверина и остается при шхуне. Да не просто остается, а формально становится его, Василия, начальником. Как тут не придушить наглую девчонку, нарушившую привычный уклад?

Понимая все это, Полина поначалу ужасно боялась водителя. По ночам крепко запирала дверь, памятуя о словах Доктора, сказанных при первой встрече: «Вася сейчас тихий... Я вас предупрежу, если что-нибудь начнется».

Из этой фразы Полина вывела, что водитель — псих, причем буйный. Без сомнения, состоит на учете в диспансере и проводит там каждую весну и осень в палате, обитой матрасами.

Кто, скажите, мог нанять на работу сумасшедшего? Только такой странный человек, как Ковальский.

Сам же Доктор ничуть не боялся угрожающей им опасности. С водителем был все время ласков и звал его Васенькой, а один раз обратился к нему: «голубенький мой», чем привел Полину в ужас. Господи, ну какой «голубенький», когда у шофера на лице написано нетолерантное отношение к сексуальным меньшинствам?

Но, видно, ремиссия у Василия была стойкая. На двусмысленное словечко он не обратил внимания и безропотно отправился исполнять очередную прихоть Ковальского.

Однажды ранним утром Полина случайно подглядела сцену: шофер вышел в сад и наткнулся на бродячего кота. Кот был из породы бойцовских приبلудных: тощ, но при этом мускулист и свиреп. Круглые желтые глаза горели огнем, как у голодного тигра.

В довершение картины правое ухо у гостя было драное.

Кот смотрел на шофера, не мигая. Но стоило Василию сделать к нему шаг, зверь выразительно сказал:

— У-я-у-у!

И ударил себя хвостом по серому боку.

— И-я-у! — тотчас отозвался шофер.

Полина вздрогнула. Кот тоже впал в замешательство. Дернул здоровым ухом, но отступать не стал, а выгнул спину и еще раз повторил:

— У-я-я-я-я-у-у!

Полина не удивилась бы, если бы и Васенька в ответ дернул здоровым ухом. Но шофер угрожающе заворчал, не двигаясь с места:

— И-и-и-и-я-у!

Девушку охватило безумное желание окатить обоих ведром ледяной воды. Интересно, что бы сказал на это Василий?

«Нет, — сурово одернула она себя, — не интересно. Нелепый, бессмысленный вопрос».

Но Полина еще несколько секунд мечтательно представляла, как подпрыгнут и бросятся в разные стороны водитель и кот, а потом, попрятавшись по укромным углам, станут брезгливо вылизываться.

Забывшись, она хихикнула, и тотчас была обнаружена.

Кот издал клич отступления перед превосходящими силами противника и исчез в

кустах. Василий обернулся и сердито уставился на девушку.

Полина, которую застали врасплох, с радостью последовала бы примеру кота. Но нырять в кусты экономке не подобало, а до оранжереи было слишком далеко.

Поэтому она ограничилась тем, что непринужденно сказала:

— Мяу!

Водитель впервые не нашелся что ответить. Потоптался на месте и бесшумно удалился в сторону гаража.

В свободные минуты Полина осторожно обследовала дом. О, что это был за дом! Наполненный секретами и тайнами, словно банка у мальчишки — светлячками.

Вот, например, часы. Они попадались в самых неожиданных местах. Одни Полина случайно обнаружила над холодильником — на стене, где они никому не были видны. Часы шли и показывали правильное время. Кому понадобилось скрывать их от людских глаз, но при этом регулярно заводить?

Ковальский любил напольные часы: только в коридорах Полина насчитала восемь штук, а сколько еще пряталось по комнатам! Старинные часы, громоздкие, огромные, как шкафы, со скрипящими дверцами и мучительно передвигающимися стрелками. Часы, похожие на стариков, которые сами отсчитывают свой век. Одни, самые большие, в корпусе из черного дерева, стояли в гостиной, и Полина побаивалась их. Казалось, часы только и ждут, когда она войдет в комнату, чтобы со злорадной хрипотцой ударить за ее спиной: донннг! Донннг! Донннг!

Полина неизменно вздрагивала и оборачивалась. Часы встречали ее ухмылкой — трещиной на потемневшем циферблате, змеившейся от цифры «пять» до цифры «восемь».

Остальные были не такие вредные и шумные. Но все они разговаривали по-своему. Некоторые стрекотали, точно сверчки, и ночью по всему дому разносилось умиротворенное потрескивание. Другие четко чеканили шаг: «Тик-так, тик-так, шагом марш! Шагом марш!» Третьи едва волочили стрелки, шаркая ими по циферблату. Четвертые отчаянно строчили, нарезая время на кусочки. «Чирк-чирк-чирк!» — словно ножницами. Чирк — и отъели секунду. Чирк-чирк-чирк! — и минуты как не бывало.

Рядом с этими часами Полина всегда ускоряла шаг.

Но были и такие часы, которые шли сами по себе, показывая собственное время (у Полины язык не поворачивался сказать «неправильное»). Больше других девушке полюбились высокие напольные часы из библиотеки. Не часы, а целый шкаф! Ореховый корпус, мягкий блеск гирек и маятника, а над циферблатом голубой круг, показывающий смену лунных фаз. На дверце крохотная медная ручка, словно приглашающая: «Открой нас! Заходи в наше время, будь гостьей в нашем тихом уютном мирке. Покачаем тебя на маятнике, как на качелях, а потом стрелки побегут быстро-быстро и унесут тебя туда, где вовсе нет времени. Не веришь? Думаешь, время есть везде? Кому, как не нам, знать, что это не так».

Полина качала головой и улыбалась. Хитрые часы, лукавые, но не злые. Если бы не настоятельная просьба хозяина не трогать их, она давно открыла бы дверцу. Но Ковальский строго-настрого запретил прикасаться к часам. Даже домработницам не разрешал стирать с них пыль! Сам обходил дом и протирал их мягкой фланелью, бормоча что-то ласковое.

Из чудес были еще портреты в галерее на первом этаже. Шкафы с приоткрытыми фальшивыми дверцами, за которыми обнаруживались другие, закрытые на ключ. Зеркала, подслеповато всматривавшиеся в темноту коридоров. От старости амальгама темнела, покрывалась пятнами, мешавшими разглядеть отражение. Получался серебристо-молочный

омут в стене: нырни — и провалишься неизвестно куда.

Определенно, предметы в этом доме настойчиво звали Полину в свой мир.

И еще у дома имелись необъяснимые странности.

В четыре комнаты левого крыла Полине не разрешалось заходить. Ковальский так и сказал: «Прошу вас не входить сюда, даже если вы увидите открытую дверь. Договорились?»

Экономке оставалось только кивнуть. В мыслях вертелась сказка о женах Синей Бороды. «Можешь все отпирать, всюду входить; но запрещаю тебе входить в ту каморку!»

Несмотря на любопытство, ей и в голову не приходило нарушить запрет. Несколько утешало то, что Василий тоже не имел туда доступа. Ковальский один заходил в комнаты, всякий раз тщательно закрывая их за собой.

Но однажды Анжей позвал Полину и вручил ключи.

— По-моему, я забыл на столе в Синей комнате книгу, — озабоченно сказал он. — О розах. Называется «Очарование в саду». Принесите, будьте любезны.

Полина отправилась выполнять поручение, гордясь оказанным доверием. Отпирая дверь, предвкушала, что увидит что-то необычное, но действительность оказалась прозаична: старые книжные шкафы, компьютерный стол возле окна, и на нем искомая книга.

Девушка разочарованно вздохнула, чувствуя себя обманутой. Зачем, спрашивается, нужно было запрещать ей заходить сюда?

Пару дней спустя Анжей мимоходом вернул книгу Полине.

— Пожалуйста, отнесите обратно. Вечно теряю ее в доме.

Ключ легко провернулся в замочной скважине. Полина шагнула внутрь...

И не удержалась от вскрика.

За два дня комната изменилась до неузнаваемости. Половину ее теперь занимал массивный дубовый стол. На его исцарапанной и прожженной столешнице высились колбы и реторты. В стеклянных трубках застыла мутная зеленоватая жидкость, словно зачерпнутая из ближайшего колдовского болота. Вокруг стола четыре старых кресла с выцветшей обивкой располагались так, словно в них еще минуту назад сидели люди.

Плотно задернутые шторы не пропускали ни единого луча. Свет падал лишь от настольной лампы, сделанной — Полина вздрогнула — в виде дракона.

Не веря своим глазам, девушка рассматривала преобразившуюся комнату. Может быть, она ошиблась дверью? Но в руках у нее был тот же самый ключ, что и два дня назад. И дверь та же самая, в этом не может быть сомнений!

Но кто и когда изменил ее? Кто проводил опыты, кто разлил зеленоватую жидкость по стеклянным трубкам, если Ковальский — Полина видела своими глазами! — эти два дня безвылазно сидел в библиотеке!

Сзади раздалось шуршание.

Полина резко обернулась.

В дверях стоял хозяин дома. В черных глазах отражался огонек настольной лампы.

— Спасибо, Полина, — негромко сказал Анжей. — Я решил сам положить книгу на место. Позвольте...

Девушка безропотно протянула ему увесистый том.

Доктор взял ее, но продолжал стоять в дверях.

Неловкая пауза затягивалась. Ковальский безмолвствовал. Полина разрывалась между двумя желаниями: задать вопрос — и провалиться сквозь пол, лишь бы не стоять лицом к

лицу с хозяином.

Инстинкт самосохранения победил.

— Так я пойду? — неуверенно спросила Полина, стараясь не глядеть в глаза Ковальскому.

Анжей, казалось, что-то обдумывает.

— Что ж... Идите.

Полина подавила первый порыв — метнуться прочь из комнаты, прочь от Ковальского и бежать, сломя голову, подальше от этого безумного дома с безумным хозяином.

Удержала ее от этого шага сущая ерунда. Полина даже не была уверена, что это не обман зрения.

Но все-таки... На секунду ей почудилось, что Доктор собирается улыбнуться.

Улыбки не было. Не было даже тени ее на сухом породистом лице. Но девушка ощутила, что страх куда-то испарился.

Она неторопливо вышла, слегка поклонившись Ковальскому. Острый взгляд колол ей спину между лопаток до тех пор, пока она не свернула на лестницу.

Со вторым кабинетом вышло еще таинственнее.

В этот день меняли карнизы на втором этаже, и девушка ни на шаг не отходила от двух рабочих: следила, чтобы не повесили криво. Анжей, поднявшийся после завтрака наверх, вошел в кабинет и плотно прикрыл дверь. Полина машинально отметила, что хозяин закрылся в комнате, и продолжила командовать рабочими.

Когда с карнизами закончили, девушка облегченно вздохнула. Отошла на шаг, любясь результатом. И вспомнила, что Ковальский просил сообщить ему, когда рабочие покинут особняк.

Она подошла к кабинету и осторожно постучалась.

— Анжей! Анжей, ремонт закончился!

Никто не ответил.

— Господин Ковальский! Вы просили предупредить вас.

Тишина.

Девушка посильнее стукнула по двери кулаком, и от ее удара она вдруг распахнулась. Полина подпрыгнула от неожиданности. Кто мог знать, что дверь не заперта?!

— Господин Ковальский, вы здесь? — громко позвала она, на всякий случай отойдя от приоткрывшейся щели.

Глупый вопрос, конечно. Где еще быть господину Ковальскому, раз он зашел в эту комнату пару часов назад?

Но ответа по-прежнему не последовало.

Полина испугалась. А вдруг Доктору стало плохо? Лежит он в комнате с сердечным приступом, не в силах откликнуться...

Забыв про запрет, девушка резко распахнула дверь и шагнула через порог.

Она оказалась в полутемном кабинете, похожем на библиотеку: шкафы до потолка, забитые книгами, огромный гардероб с одной зеркальной дверью, кресло под торшером, антикварного вида стол... Шторы, как обычно, плотно задернуты, не пропуская солнечных лучей. Лишь торшер стоит в желтом круге света.

И никого внутри.

Полина опешила. Вот же комната, вся перед ней, как на ладони. Ни единого закутка, где можно спрятаться!

— Анжей! — позвала девушка.

Заглянула за дверь, но обнаружила в углу только трость с головой дракона.

— Анжей!

Нет, это просто невысказано! Что за нелепые прятки? И потом, в кабинете некуда скрыться!

Тут Полину осенило. Окно! Наверняка Доктор выпрыгнул в сад — иного объяснения просто не может быть!

Зачем Ковальскому понадобилось выпрыгивать из окна второго этажа, Полина не задумывалась. Для начала ей нужно было поправить покосившуюся картину мира. А для этого — объяснить, куда делся человек из запертой комнаты.

Она подбежала к окну, раздернула шторы — и застыла, словно натолкнувшись на препятствие.

Окно было заложено кирпичами.

Проработав в доме Ковальского три недели, Полина все еще не определилась, считать ли ей хозяина вампиром, колдуном или же всего-навсего человеком со странностями. Но в одном она была уверена: через кирпичные стены Ковальский ходить не способен.

Пошатнувшаяся картина мира не возвращалась в нормальное положение. В отчаянии Полина обошла книжные шкафы, распахивая дверцы, потом заглянула за шторы... Она залезла бы и в гардероб, но он оказался заперт.

Доктора не было. То ли провалился сквозь пол, то ли растворился в воздухе.

С кирпичной кладкой Полина решила разобраться потом. Это отдельный вопрос: зачем понадобилось замуровывать окно.

Но сейчас требовалось понять, где Ковальский.

Девушка выбежала из комнаты, с силой хлопнула дверью (раздался отчетливый щелчок — замок закрылся) и побежала вниз. Ее уверенность, что с Доктором случилось что-то плохое, усиливалась с каждой секундой. Единственным человеком, к которому она могла обратиться за помощью, был водитель, и Полина бросилась искать его.

— Василий! Василий, где вы?!

Со стороны кухни донесся какой-то звук.

— Василий!

Полина влетела в столовую.

За столом, постукивая ложечкой по вареному яйцу, сидел Анжей Ковальский.

— В чем дело? — холодно осведомился он. — Зачем столько крика?

Девушка застыла как вкопанная.

Да, это был Анжей, собственной персоной, в любимом темно-зеленом бархатном пиджаке. Он раздраженно помахал ложечкой, словно дирижер палочкой. Повинуясь этому жесту, Полина шагнула к нему.

— Так в чем дело?

— Я постучалась в кабинет, чтобы предупредить вас об окончании работ, — медленно начала девушка, тщательно подбирая слова. — Дверь открылась, но вы не отвечали. Я испугалась, что вам стало плохо, и заглянула внутрь.

Ковальский нахмурился и отложил ложечку в сторону.

— И что же?

— Вас там не было, — с оттенком пережитого изумления сказала Полина. — Совсем не было.

Доктор хмыкнул.

— И это все? Дитя мое, я вышел из кабинета полчаса назад. Вы меня не заметили. Ступайте и больше не выдумывайте бог знает что.

Он взял ложечку и придвинул к себе яйцо. Это означало, что вопрос исчерпан и больше Ковальского не интересует.

— Нет, — сказала Полина.

Доктор поднял голову.

— Что «нет»?

— Я не могла вас не заметить, — тихо сказала Полина. — Вы не проходили мимо меня. Это точно.

— Ну вы же не все время торчали в коридоре! — раздраженно воскликнул Ковальский.

— Все время.

— Вы что, не отходили в туалет? Попить воды?

— Нет.

«Нет» вышло негромким, но очень твердым. Доктор помрачнел.

— И все-таки вы меня не заметили, — заверил он. — Другого объяснения просто не может быть. Так ведь?

Подчиняясь его требовательному взгляду, Полина вынуждена была согласиться.

— Вот и договорились, — вкрадчиво сказал Ковальский. — Не хочу вас отвлекать от дел.

Полина, пятясь, вышла из столовой. Договорились так договорились. Если господин Доктор уверяет, что покинул комнату полчаса назад, значит, так, оно и было. Зачем ему врать?

Но Полина знала совершенно точно, что полчаса назад из комнаты никто не выходил. И вообще никто не выходил. Ковальский лгал.

Она хотела подняться к себе, но на полпути передумала. «Мне нужно на свежий воздух, пока я не свихнулась».

Она потянула входную дверь — и снова вздрогнула от неожиданности.

Снаружи стоял Василий.

— Вы меня напугали! — набросилась на него Полина. От пережитого страха она на короткое время перестала бояться верзилу-шофера. В другое время она задумалась бы над феноменом вытеснения одного страха другим, но сейчас ей было не до того.

— Какого черта вы торчите возле двери?! Неужели нельзя было зайти внутрь?

— Я как раз собирался это сделать, — флегматично отозвался Василий, рассматривая ее с высоты своего огромного роста. — Услышал вроде чей-то писк внутри. Думаю — надо посмотреть. Вот и пошел. А тут вы.

«Писк?!»

Полина захлебнулась негодованием.

— Я вас звала! — отчеканила она с таким холодом в голосе, что еще пара градусов превратили бы водителя в ледяной столб. — Искала вас по всему дому! Где вас черти но... Где вы ходите в рабочее время?

— В гараже возился.

Василий предъявил в качестве доказательства разводной ключ. В огромной лапе он казался игрушечным.

— Так что понадобилось-то?

— Уже ничего, — сухо сказала Полина. — Спасибо.

Шофер пожал плечами и вразвалочку побрел обратно к гаражу. Полина смотрела в спину, на которой, как кожа на барабанах, плотно натянулась куртка, и внезапно для себя позвала:

— Василий!

Тот обернулся, уставился на нее, прищурившись: ну вылитый драный кот, что забрел на днях к ним в сад.

— Зачем замуровали окно в крайней комнате? — спросила Полина. — Той, что в левом крыле?

Она почти не надеялась, что получит ответ. Так оно и вышло.

— Полагаю, вам лучше спросить об этом у Анжея Михайловича, — с издевательской вежливостью сказал водитель и слегка поклонился: — Я могу идти? Или я вам еще нужен?

— Нет, не нужны, — сухо сказала Полина и не удержалась от шпильки: — Все равно от вас никакого толка.

Василий сверкнул зелеными глазами, но ничего не сказал.

Анжей Ковальский наблюдал из окна за Васей и новой экономкой. Слов ему не было слышно, но он почти не сомневался, что девочка интересуется закрытой комнатой.

Неудачно вышло с кабинетом, надо признать. Анжей забылся, не придал значения тому, что на втором этаже ведутся работы. А мог бы и сообразить, что Полина будет находиться там неотлучно, а значит, заметит, что из кабинета он и в самом деле не выходил.

Наблюдательная девушка, ничего не скажешь.

Ковальский наклонился вперед, разглядывая две фигуры перед дверью: высоченную черную — и маленькую клетчатую. Экономка стояла, подняв лицо к Василию, словно взираала снизу вверх на Эйфелеву башню. Анжей видел, что губы у девушки плотно сжаты, на личике написано упрямство. Длинный подол платья развеивается на ветру, и волосы развеиваются тоже — того гляди сдует малышку. Васенька в своей вечной кожаной куртке, да еще и шарф обмотан вокруг горла, а она в одном платье и наверняка мерзнет — но ведь стоит, что-то требует, разве что ножкой не топает.

Анжей не удержался от улыбки. Очень уж забавно эти двое смотрелись рядом. Он категорически запретил Василию обижать новую экономку, и Вася, конечно, подчинился. Но один бог знает, чего это ему стоило!

С экономом было проще: все-таки мужчины всегда найдут общий язык. Василий настороженно относился к Анатолию, но он ко всем так относится.

При этой мысли Ковальский помрачнел. Ни звонка, ни записки, ни тела, в конце концов! Вася предполагал, что эконом обворовал их. Но из дома не пропало ни одной монетки. Странно, очень странно...

Но даже Василий должен был признать, что новая экономка справляется с работой не хуже Анатолия.

Для начала она уволила омерзительную повариху. Разобраться с ней у самого Ковальского руки не доходили. И всего за день отыскала новую, которую не видно и не слышно — только запахи еды витают в доме с раннего утра. Вот и славно, повариха должна быть невидимкой!

Затем пересмотрела расходы на еду. Два дня что-то высчитывала, ходила хмурая и озабоченная, а потом велела Василию провезти ее по магазинам, где Анатолий закупал продукты. И что же? Нашла каких-то рыночных торговцев, договорилась с одним, с другим

— и теперь свежее мясо и рыбу им привозят домой, причем за меньшую цену, чем прежде.

Узнала, что Анжею нравится йогурт — и тут же приобрела и освоила йогуртницу. Заметила, что на шторах в коридоре полиняла ткань — мигом отыскала ателье, где им из точно такой же ткани за неделю сшили новые портьеры. Заодно обновила чехлы на мебели, которые давно требовали реставрации.

Ковальский обронил, что Василий уважает хурму — и вот пожалуйста: в холодильнике под нее отведен целый ящик.

Собственноручно начистила серебро, не доверив такое ответственное дело домработницам. Наткнулась в комод на забытые столетние скатерти с вышивкой — рухлядь рухлядью! — и не поленилась, отыскала женщину-вышивальщицу и уговорила Анжею заплатить приличные деньги, чтобы та восстановила рисунок. Ковальский ворчал ровно до той минуты, пока не увидел скатерть на столе. Нежнейшие розы вышиты гладью на фоне тонких веточек.

— Вы ведь любите розы, правда? — робко спросила Полина, пока он восхищенно рассматривал скатерть.

Да, дитя мое. И розы, и само прикосновение к выпуклому шелковистому рисунку, словно и впрямь под пальцами цветочный бутон, и слабый запах накрахмаленной ткани. Даже обветшалость не портила эту вещь.

Но вслух Анжей ничего этого не сказал. Суховато поблагодарил одним кивком и уронил: «Умница». Но малышка и этому обрадовалась: расцвела, как тот бутон, и щеки вспыхнули алым цветом.

Ковальский давно заметил, что на похвалу она отзывается как собака, которой мало достается хозяйской любви. Одно доброе слово — и девочка выглядит счастливой. Но хвалил ее редко. Не хватало еще, чтобы она привязалась к нему! Пока это всего лишь разговор с собственной совестью. Он должен чувствовать себя вправе в любой момент уволить ее.

Пока она то удивляла, то веселила его. С виду — пигалица-пигалицей, нацепившая для важности очки. Всех боится: и его, и водителя. От портретов в галерее шарахается (впрочем, они там для того и повешены). Вздрагивает от громких звуков — нервишки-то куда не годятся. Смущается от любой ерунды: чуть что — и залилась краской.

Зато как только доходит до дела, откуда что берется! И деловита, и энергична, и решительна... Любопытна, но ни одного запрета не нарушила (за этим Ковальский особенно тщательно следил). Во всем старается ему угодить, но без подобострастия.

А самое главное — Анжей видел, что ей нравится у него. Он подмечал, как она благоговейно касается старых стен, обшитых дубовыми панелями. Как бережно перебирает старинные фарфоровые чашки с ребристыми боками. Как замирает перед часами, словно слушает их бесконечные истории. Как выбегает по утрам в сад, думая, что ее никто не видит, и, пританцовывая, скользит вдоль зарослей шиповника. Возвращается с мокрой от росы юбкой, замерзшая на утреннем майском ветру, растрепанная, но до смешного счастливая.

А неделю назад Ковальский с Василием провели эксперимент. Пока девочка бродила по рынку, выбирая фрукты, к ней подошел мужчина, представился журналистом и попросил рассказать некоторые незначительные подробности из жизни Доктора. Естественно, не безвозмездно. Шесть месячных окладов Полины, ни больше ни меньше: «В благодарность за то, что читатели нашей газеты узнают правду!»

Журналист был весьма убедителен и просил о такой маленькой услуге, что глупо было бы не согласиться. И Полина Аверина согласилась.

Она предупредила, что сейчас не сможет ответить на вопросы: хозяин ждет, а он строг к опозданиям. Но назначила встречу через два часа в маленьком кафе на окраине поселка.

Ковальский, слушавший их разговор, не смог скрыть разочарования. И был благодарен Васе за то, что тот ничем не выдал своего торжества и даже сказал, словно оправдывая экономку:

— Деньги для нее неплохие...

Анжей поморщился и махнул рукой: отключай свою аппаратуру и поехали.

И до самого дома был мрачен и молчалив. Василий тоже помалкивал.

Открыв дверь, Ковальский бросил хмуро:

— Свяжись с агентством, пусть начинают искать экономку. Лучше — эконома. Хватит с нас женщин.

А двадцать минут спустя Полина выпрыгнула из такси и со всех ног помчалась к особняку, забыв про сумки в машине. Едва не врезалась в Василия, крикнула ему на ходу, чтобы расплатился с негодующим шофером, и побежала по дому, крича: «Анжей! Анжей Михайлович!»

Обнаружив хозяина в библиотеке, непочтительно выхватила у него книгу и выложила все про встречу с журналистом.

— Я его обманула, — закончила Полина, сверкая глазами. — Договорилась, чтобы он ждал меня через два часа, а сама сразу бросилась к вам. Его нужно задержать! Никакой он не журналист, я уверена!

В дверях библиотеки мелькнул силуэт. Анжей поднял глаза и увидел Василия. Тот смотрел на девушку, не замечавшую его, с таким выражением, что Ковальский рассмеялся. В нем читались и досада, и злость, и неохотное восхищение.

— Вы мне не верите?! — горячилась Полина, не понимая, почему к ее рассказу отнеслись так легкомысленно. — Я его даже сфотографировала незаметно! На телефон! Снизу!

— Верю, верю, — успокоил Анжей. — Васенька, ты в агентство еще не успел позвонить?

— Нет. Успеешь тут...

— Ну и не нужно. Оставим пока все как есть.

Когда девочка убежала, ободренная его заверениями, что лже-журналист будет схвачен, хозяин распорядился:

— Испытательный срок она выдержала. Начинаем готовиться к приему гостей.

Вечером Полина вышла в сад, обошла дом, задержавшись под липой. Голые черные ветви выглядели сиротливо рядом с зеленеющим шиповником. Вьющаяся жимолость, оплетавшая стены особняка, несколько дней назад покрылась крошечными острыми листочками, и дом спрятался под зеленым покрывалом. Теперь среди листочков уже белели тугие шарики бутонов.

Все росло вокруг, все цвело, кроме лип, стоящих двумя вдовами. На клумбах сияли посаженные неутомимым Арменом нарциссы. Вокруг них лежало сиреневое ожерелье фиалок. Лес дышал маем, и дыхание его чувствовалось везде.

Розы в оранжерее цвели как сумасшедшие, словно это был последний май в их жизни. Их выращивали так, чтобы в любое время года Ковальский мог любоваться цветущими кустами. Но в последнюю неделю все бутоны распустились, и оранжерея взорвалась красками.

Бордовые розы, персиковые, рубиновые, нежно-желтые, кремовые розы с тончайшими лепестками, полупрозрачными, как пачка балерины... Царственные белоснежные розы с бутонами размером с чашку. Крошечные пунцово-розовые цветки плетистой розы, собранные в густые соцветия.

В оранжерее у Полины просыпались кулинарные ассоциации. Цветки розы лососевого оттенка, что встречаются у входа — на закуску, за ними — багровые бутоны цвета сырого мяса, а вон из тех вскипающих, выплескивающих во все стороны махровых оранжевых роз можно сварить тыквенный суп. В чай пойдут душистые малютки, у которых лепестки снаружи зеленоватые, а внутри — снежно-белые. К ним, чтобы оттенить вкус, годятся золотистые красавицы, блестящие и сочные, как лимонные дольки на срезе. А на сладкое — розы цвета зефира, цвета взбитых сливок, цвета суфле на миндальном торте: пышные, роскошные, с тягучим медвяным ароматом, который хочется вдохнуть и умереть от счастья.

В оранжерею вели две двери. Первая — самая обычная, стеклянная. Второй, с противоположной стороны, почти не пользовались, и садовник придумал чудное: укрепил на ней сверху несколько горшочков, а в них посадил девичий виноград и вьющиеся клематисы. Зеленые побеги струйками потекли вниз. Но до земли Армен не давал им добираться: обрезал.

Дверь стало трудно открывать. И веса в ней прибавилось, и до ручки не сразу доберешься сквозь паутину растений. Полина даже пожаловалась Ковальскому.

«Это традиция, — объяснил Доктор. — Много лет назад на этом месте стоял дом одного чудака, местного лекаря. Жил он аскетом в небольшой избушке. Сохранился старый рисунок, на котором видно, что вход в нее был оплетен девичьим виноградом. А я уважаю старые традиции».

Полина, немного подумав, возразила, что вход в избушку не может быть оплетен девичьим виноградом. Звучит, конечно, романтично. Но тогда попасть внутрь не было бы никакой возможности.

Вместо ответа Ковальский достал из ящика черно-белую фотографию. На снимке две тонких липы, а за ними в отдалении видна полуразвалившаяся лачуга. Проломленная крыша съехала вниз, словно криво нахлобученная кепка. Из слепых черных провалов окон торчат стебли крапивы.

А вместо двери — зеленый полог.

Полина поняла, что видит участок земли, купленный Анжеем много лет назад. Если бы не липы, она бы не узнала это место на снимке. Ни знакомого особняка, ни чудесной живой изгороди... Только побеги винограда с растопыренными листьями, точь-в-точь такие же, какие любовно растит садовник.

«Морозоустойчивый сорт попался, раз не погибал в наши февральские холода», — вполголоса сказал хозяин.

Следующий снимок: рядом с пологом стоит сам Ковальский в костюме и щегольских ботинках и с улыбкой раздвигает лозы винограда. За ними виден проем с дверью, болтающейся на одной петле.

«Когда я купил здесь землю, домик пришел в негодность, — пояснил Доктор. — Любопытно то, что последние шестьдесят лет в нем жил какой-то местный врач, которого считали полусумасшедшим. Он восстановил из руин разрушенную избу лекаря и даже получил на нее документы. А его сменил я. Дом отстроил ближе к дороге, а на месте избушки поставил оранжерею».

«Здесь все время селились люди со странностями, — думала Полина, слушая его рассказ. — Один доктор сменил другого, тот — еще одного. Не удивлюсь, если и до них здесь обитал какой-нибудь знахарь».

Со временем девушка стала замечать, что ей нравится входить в оранжерею через дальнюю дверь. Нравится окунать пальцы в прохладу между стеклом и тонкой завесой клематисов и винограда, нащупывать ручку, тянуть на себя тяжело подающуюся створку. В этом тоже таилось тихое волшебство: попасть в царство цветов через цветочную дверцу. Несколько клематисов выпустили светло-сиреневые лепестки, нежные, как крылышки фей. Они встречали Полину тонким, но настойчивым ароматом.

Вот и сейчас она почувствовала знакомое благоухание, едва подойдя к стеклянному сооружению. Уже стемнело. В сумраке запах казался особенно пронзительным.

Полина знала, что садовник вечером запирает оранжерею. Но ей и не нужно было туда. Она остановилась, делая вид, что нюхает мелкие сиреневые цветочки.

Взгляд ее скользил по окнам второго этажа. Третье, четвертое, пятое... А дальше — сплошная стена. Теперь-то ясно, что за этой стеной прячется целый кабинет.

Девушка перевела взгляд на другое крыло дома. Так и есть: там пространство точно такой же ширины, и тоже без окна. Выходит, и там скрыта комната? Но ведь ее дверь — крайняя, и за ней ничего нет, кроме напольных часов.

— Загадки, сплошные загадки, — вслух пробормотала Полина. — Но одну я, кажется, разгадала.

Она весь день размышляла над таинственным исчезновением Ковальского и пришла к выводу, что существует лишь одно объяснение. В кабинете, откуда он пропал, без сомнения, имеется потайная дверь. Может быть, ее спрятали в шкафу или замаскировали под рисунок на обоях. Дверь ведет в соседнюю комнату, откуда Ковальский и вышел незамеченным. Полина никак не думала, что он может появиться оттуда, и не обращала на нее внимания.

«Вот только зачем Доктору в его доме секретные двери?»

Полина в ответ мысленно пожала плечами. Ничего удивительного: по проекту архитекторы сделали две смежные комнаты — например, для гостей с детьми. Со временем стало ясно, что дети в этом доме не появляются, и проход замаскировали, чтобы не смущать гостей.

Внутренний голос предположил, что в таком случае его закрыли бы совсем.

Полина заметила, что ничего подобного. Зачем лишние хлопоты?

Тогда внутренний голос с плохо скрытой язвительностью поинтересовался, как Полина объяснит замурованное окно. Почему-то в случае с окном лишние хлопоты никого не остановили.

— А вот это действительно непонятно, — вслух прошептала Полина. — В кабинете нет ничего такого, что стоило бы прятать.

— Вы ошибаетесь, моя дорогая, — произнес вежливый голос за ее спиной.

За месяц Полина так и не отучилась вздрагивать, когда кто-то заставлял ее врасплох. Она вздрогнула и обернулась.

В двух шагах от нее стоял Ковальский. Лакированные ботинки блестели в свете фонаря. Он опирался на трость с головой дракона — ту самую, которую Полина видела за дверью в кабинете.

— Я хотел с вами поговорить, — сказал Анжей. И добавил тоном, исключавшим любые возражения: — Следуйте за мной.

— Сколько вы работаете у меня? Месяц?

Полина кивнула, потом спохватилась, что Анжей не может видеть ее кивка, и вслух пробормотала:

— Месяц и два дня.

Они приближались к дому: впереди — Доктор с тростью, элегантный, как бес в опере, а за ним — смущенная девушка.

Она и раньше замечала, что Ковальский умеет передвигаться бесшумно, словно кот. Но в первый раз так глупо попалась. Как ему удалось подкрасться к ней незаметно? Ни одна ветка не хрустнула под его ногой, ни одна травинка не прошелестела... Неужели она была настолько увлечена своим доморощенным расследованием, что не услышала его тихих шагов?

И неужели он уволит ее за назойливое любопытство?

Полина тихо кляла себя на чем свет стоит. Если бы она хотя бы не говорила вслух! Если бы просто стояла молча возле оранжереи! Тогда можно было бы соврать о цели ее прогулки, придумать, что всего лишь любовалась домом, вечерним небом, цветами — чем угодно. Но она выдала себя с головой, упомянув кабинет и секреты дома.

А господин Ковальский очень не любит, когда лезут в его дела.

— Я хочу вам кое-что показать, — сказал Анжей, распахивая дверь.

Он зашел в дом, а Полина остановилась на пороге, отчего-то медля.

Густо-лиловый сумрак выполз из леса и подобрался вплотную к особняку. Он огибал фонари, купавшиеся в желтых лужах света, и подкрадывался все ближе и ближе. Обернешься — и на тебя уставится темнота.

Но в особняке тоже царил полумрак.

Он властвовал там почти всегда. По вечерам яркие лампы зажигались лишь у Полины. Остальные комнаты освещались бархатным светом торшеров. Но казалось, что их свет не отпугивает темноту, а притягивает ее.

Не раз, заглянув перед сном в библиотеку, Полина видела Ковальского, сидящего в кресле: со стен и потолка к нему стекались густые тени, укладывались в ногах, точно черные кошки. Под шапкой зеленого абажура Доктор читал, покуривая трубку, и дым расплзался по всей комнате, как развеянное привидение.

В эту секунду, стоя на улице и ежась от поднявшегося весеннего ветра, Полина видела: в холле слабо мерцают электрические свечи. Ей даже почудилось, что сквозняк вот-вот задует их и дом окончательно погрузится во мрак — такой, перед которым темнота этой ночи покажется бледными сумерками.

Девушка пригляделась. В глубине коридора, за спиной Ковальского, тени собрались в непроницаемый черный клубок. Полина отчего-то не сомневалась, что им предстоит идти именно туда.

— Вы замерзнете, — заметил Доктор. — Заходите же. Или вы боитесь темноты?

Полина вскинула на него глаза. Уже не первый раз ей казалось, что Ковальский читает мысли.

— Да, — негромко сказала она. — Боюсь.

Доктор улыбнулся:

— Я же с вами, дитя мое. Пойдемте. Здесь никакая темнота вам не страшна. Знаете, чего нужно бояться?

«Если сейчас он скажет: „Меня!“ и сверкнет красными глазами, то я свалюсь в обморок», — подумала Полина, отродясь не терявшая сознания.

— Чего же? — пробормотала она, мысленно приготовившись к тому, что Ковальский оскалит белоснежные зубы и резцы у него начнут удлиняться на глазах.

Но в глубине души девушка чувствовала, что во всем этом есть элемент игры, детской страшилки, когда страшно не взаправду, а потому, что нравится бояться.

— Да ничего, — пожал плечами Доктор. — Нет ничего, поистине заслуживающего страха. Заслуживающего ненависти — может быть, трепета — да, но страха — нет.

— А как же смерть? — не удержалась Полина.

Ковальский усмехнулся и взглянул на экономку так, что ей стало не по себе. Она пожалела о заданном вопросе. Неподходящее время для разговоров о смерти.

— Смерть... — повторил Доктор. — Как сказал гениальный Набоков: «Жизнь — это большой сюрприз. Я не понимаю, почему бы смерти не стать не меньшим». Но об этом мы с вами поговорим как-нибудь в другой раз. Нам сюда...

Анжей направился не в темноту за лестницей, как опасалась Полина, а в картинную галерею. Остановился напротив портрета старика в синей мантии, оперся на трость. Впадины на скулах прорисовались глубже, тени легли под глазами, и сходство стало почти пугающим.

— Как вы думаете, Полина, кто я? — спросил он.

— Психотерапевт. Вы же сами мне об этом сказали.

— Вы верите всему, что вам говорят?

— Когда мне это удобно, — не задумываясь, ответила Полина.

Доктор улыбнулся.

— А в потайных комнатах я прячу пациентов? Не отводите взгляд. Вы же отлично поняли, что тайники здесь есть.

— Можно и что-нибудь другое прятать, не только пациентов, — пробормотала девушка.

— И как же вы объяснили себе преобразование кабинета? Решили, что я развлекаюсь алхимией в свободное от практики время?

Полине неуютно было стоять под взглядами Ковальского и жутковатого старика в синей мантии.

— Я еще не успела найти ответ.

— Тогда я вам его дам, — неожиданно сказал Анжей и выпрямился. — Только сначала нужно решить, остаетесь ли вы у меня. Вы прошли испытательный срок, и я вами доволен. Но для того, чтобы вы успешно справлялись со своими обязанностями и впредь, я обязан разъяснить кое-что, касающееся моей деятельности. Если вы планируете искать другое место работы, скажите об этом сейчас.

— Я не планирую, — заверила Полина, немного испуганная таким серьезным вступлением. — Честное слово, я не собиралась от вас уходить! Мне тут очень... — она покраснела и закончила, — очень нравится.

— Прекрасно. Тогда смотрите...

Доктор шагнул к портрету, но вдруг остановился, будто передумав. Полина глядела на него во все глаза.

— Хочу напомнить вам, — сказал Ковальский, — что не нужно ни с кем делиться

увиденным. Это может привести к печальным последствиям.

Девушка торопливо закивала.

Анжей встал перед картиной. Поднял трость, приложил ее к нарисованному набалдашнику в виде черепа на посохе старика. И с силой вдавил.

Полина приготовилась услышать треск рвущегося холста. Но драконья голова ушла в глубь полотна, словно там была дыра.

Несколько секунд ничего не происходило. А затем в тишине раздался отчетливый щелчок.

Ковальский высвободил трость, взялся за выступ на раме и потянул. К изумлению девушки, картина бесшумно и плавно поехала вбок. В стене открылся проход.

Портрет оказался дверью.

Полина обошла его, рассматривая со всех сторон. Осторожно потрогала картину в том месте, где Доктор дотронулся своей тростью, и вскрикнула: пальцы коснулись не холста, а чего-то гладкого. От неожиданности она отдернула руку.

— Не бойтесь, там всего лишь латекс, — успокоил Ковальский. — Он скрывает механизм. Тонкая работа, не так ли?

«Такая же тонкая, как драконья голова на входной двери, — подумала Полина. — Наверняка делал один мастер».

Она наклонилась к холсту. Теперь, когда Анжей открыл ей секрет, стало видно, что фактура «черепа» отличается от остальной поверхности портрета.

Полина повернулась к Доктору:

— Поэтому здесь такой приглушенный свет? Чтобы нельзя было рассмотреть деталей?

— Верно. Перебирайтесь сюда.

Шагнув за картину, Полина оказалась в полумраке. Ковальский нажал какую-то кнопку на стене, и дверь за ними закрылась. Вокруг стало совсем темно. Но воздух был свежий, без примеси затхлости.

— Теперь, по всем канонам, мы должны спуститься в подземелье, — пробормотала Полина.

Справа послышался негромкий смешок Ковальского.

— Здесь подземелья нет. Простите, что держу вас в темноте неизвестности. Лампочка перегорела.

Полине стало смешно. Какое грубое вторжение в почти сказочную действительность: перегоревшая лампочка!

— Можно поставить энергосберегающую.

— Терпеть их не могу, — проворчал Анжей, судя по звуку, возившийся с чем-то в углу. — Ни одной этой сберегающей гадости не будет в моем доме: любое помещение они превращают в прожекторскую. Секундочку...

Комната озарилась неярким светом. Ковальский и Полина стояли в тесной комнатке, где на стене горел единственный светильник. Девушка обернулась: дверь, через которую они вошли, прямо за ее спиной. А впереди, всего в трех шагах, вторая.

— Обычно я не запираю ее, — сказал Ковальский, снимая с шеи цепочку, на которой болтался ключ. — Но в последнее время стал подозрительным.

Он вставил ключ в замочную скважину и дважды повернул.

Полина от волнения затаила дыхание. Что можно так тщательно оберегать от посторонних глаз? Драгоценности? Золотые слитки? Но такой человек, как Ковальский,

никогда не стал бы держать их в доме.

Дверь распахнулась. Изнутри вырвался такой яркий свет, что Полина зажмурилась.

— Простите, я не предупредил: лампы здесь включаются автоматически.

Голос Ковальского доносился уже из-за открытой двери. Девушка открыла глаза и шагнула за ним следом.

В первую секунду ее ждало разочарование. Всего лишь комната без окон, правда, совершенно круглая и с небывало высоким потолком. Белый купол уходил высоко-высоко, как будто под самую крышу. Свет шел откуда-то сверху. Полине показалось, что сам потолок излучает свечение.

Посреди комнаты на паркетном полу стоял маленький круглый стол. Рядом — два простых стула. Ни кресел, ни шкафов, ни часов, которые так любил Ковальский. Здесь вообще больше ничего не было, кроме...

Полина обвела взглядом стены и ахнула. Десятки — нет, сотни ключей были развешаны по стенам! Одни поблескивали серебристым, как юркие рыбешки: целый косяк, готовый вот-вот сорваться и уйти на глубину. Другие отливали медью. Третьи вспыхивали королевским золотом. Четвертые были черны, как земля. Пятые — белые, словно выпиленные из кости единорога.

Ковальский отошел в сторону и сложил руки на груди, наблюдая за экономкой. А Полина совершенно забыла о нем. Она медленно двигалась вдоль стены, замирая от восхищения.

Никогда прежде ей не приходило в голову, что ключи могут быть так разнообразны и так прекрасны. Они больше походили на музыкальные инструменты, чем на устройства для открывания замков. Здесь были и крошечные ключики с едва различимыми бороздками, и массивные гиганты размером с две ее ладони. Были фигурные, с тончайшей резьбой, с острыми зубцами, с полустертыми буквами на стержне... Простые, даже примитивные ключи с единственным выступом на бородке — и оцетинившиеся зубчиками во все стороны. Изогнутые ключи, волнистые, ключи с необычными головками в виде звезды или кошачьей морды.

Каждый хотелось взять в руки и рассматривать. Каждый был уникален.

И очень стар.

Полина чувствовала, что перед ней не просто предметы интерьера, причуда декоратора, украшавшего стены. Ключи были подлинными. Где-то в прошлом существовали двери, которые они отпирали. Двери исчезли, а ключи пережили их.

«Легче представить дверь без ключа, чем ключ без двери, — подумала Полина. — В этом есть что-то неправильное. Все они сделались бесполезными. Или нет?»

Полина вспомнила о Ковальском и вопросительно взглянула на него:

— Это что — музей?

— Ни в коем случае! Эти раритеты верно служат людям.

— Но как?!

Анжей снял со стены один из ключей, бережно положил на стол и склонился над ним. Лицо его приобрело мечтательное выражение.

— Мои маленькие помощники, — тихо проговорил он, поглаживая ключ. — Друзья, способные открывать что угодно. Вы думаете, они предназначены лишь для дверей?

— Не знаю... Может, для сундуков и шкапулок?

— Вы мыслите в одной плоскости, моя дорогая Полина. Присядьте.

Полина подчинилась.

— Три вещи, — начал Ковальский, — три вещи издавна имели великое значение для людей: ключ, зеркало и книга. Если вы хорошенько подумаете, то поймете почему.

Он замолчал, ожидая ответа. Но под его испытующим взглядом Полина почувствовала себя бестолковой. «Ключ, зеркало, книга... Ключ, зеркало, книга...» Сколько она ни перебирала эти слова, мысль не приходила.

— У них одна суть, — негромко подсказал Анжей, — открыть сокрытое. Ключ открывает скрытое от других. Зеркало открывает скрытое от себя. Книга открывает скрытое от мира. Поэтому человек всегда наделял эти предметы магической силой. Например, боялся зеркал, потому что считал, что они ведут в другие миры. Что за чудовища могли выползти из них — кто знает? Бесчисленное количество сказок начинается с того, что герой проходит через волшебное стекло, как через дверь. Вспомните хотя бы «Алису в Зазеркалье».

— Поэтому в доме так много зеркал? — рискнула спросить Полина.

— Или потому, что мне нравится любоваться своим отражением, — рассмеялся Ковальский. — Не ищите мистики там, где ее нет. Ищите там, где она есть. Вон оно, перед вами — настоящее воплощение волшебства в самой простой форме.

Он протянул Полине ключ. Девушка снова обратила внимание на его изувеченную шрамом ладонь.

— Возьмите. Зажмите в руке.

Металл холодил Полине ладонь.

— Давайте сыграем в детскую игру. Вы спрячете ключ в правой руке или левой, а я скажу вам, где он.

Полина недоверчиво посмотрела на хозяина.

— Ну же, — подбодрил Доктор. — Давайте.

— Хорошо.

Полина спрятала руки за спину и быстро перебросила кусочек металла из правой ладони в левую и обратно. Выставила перед собой крепко сжатые кулаки. Маленький ключик скрылся под пальцами целиком.

— Правая, — бросил Ковальский, едва взглянув на ее руки. — Еще раз.

Полина оставила ключ на прежнем месте.

— Правая, — с той же быстротой определил Анжей.

Снова выставленные вперед сжатые кулаки.

— Левая.

Еще раз.

— Правая.

И опять.

— Правая.

Полина пристально посмотрела на Ковальского. Потом перевела взгляд на свои руки.

Невозможно заметить, куда она прячет эта железку. Может быть, Анжей просто угадывает логику ее действий?

— Давайте попробуем снова, — попросила она.

Доктор усмехнулся.

— Что ж, прошу вас.

На этот раз Полина не положила руки на стол, а развела их в стороны. Доктор повел носом, точно принюхиваясь.

— Левая.

Полина перепрятала ключ и подняла руки вверх.

— Правая.

Положила кулаки на стол.

— Правая.

— Вы подглядываете?!

— Нисколько.

— Тогда скажите, в какой руке сейчас.

— В правой.

— А сейчас?

— В левой.

Полина обескураженно раскрыла левую ладонь. В ней лежал ключ.

Они сыграли еще восемь раз. Ковальский угадывал безошибочно. Ему хватало секунды, беглого взгляда, чтобы определить, куда она спрятала искомое.

На девятый раз Полина, убрав руки за спину, незаметно выронила ключ. Он скользнул по подолу платья и бесшумно упал на сиденье за ее спиной. Девушка быстро выставила сжатые кулачки перед Ковальским.

Анжей хотел что-то сказать, но осекся на полуслове и нахмурился. Наклонил голову вправо, влево... И с уверенностью заявил:

— Ключа у вас нет.

Полина подняла руки.

— Все, сдаюсь! Как вы это делаете?

— Сначала верните пропажу.

Когда ключ снова лег на стол, Ковальский откинулся на стуле назад.

— Это ведь фокус, правда? — с надеждой спросила Полина.

— Вам хочется, чтобы это был именно он? Тогда мне придется вас огорчить. Я действительно *знаю*, в какой руке вы держите ключ. Эта способность у меня с раннего детства и касается только ключей. Я их люблю, и они платят мне взаимностью.

— А как вы это знаете? — спросила Полина, подавшись к нему.

Доктор озадаченно посмотрел на нее.

— Каким образом вы это понимаете? — поправилась девушка. — Что вы видите, когда осознаете, где он?

Анжей одобрительно хмыкнул:

— Хороший вопрос. Вы первая, кто задает его. Представьте, что я зажал в кулаке майского жука, а он пытается выбраться. Если вы посмотрите на мои руки, то по мельчайшим, почти незаметным деталям поймете, что в одном кулаке что-то живое. Вот так же и со мной: мне кажется, будто что-то пытается выбраться из вашей руки.

Он посмотрел на вытянувшееся лицо Полины и рассмеялся:

— Не пугайтесь вы так! Это всего лишь попытка объяснить, что я чувствую. Возможно, неуклюжая. А вот это, — он взял ключ и покачал его в ладони, — только кусок металла, которому придали нужную форму. Он не заползет ночью вам в ухо.

Но Полина уже думала о другом.

— А в комнате? В комнате вы тоже можете найти спрятанный ключ?

Улыбка растаяла на губах Доктора.

— Вы задаете на редкость точные вопросы, моя дорогая. Нет, я не способен отыскать

его в комнате. Может быть, вы даже сделаете из этого факта какой-нибудь вывод?

Полина внимательно посмотрела на Ковальского, ища в его глазах следы насмешки. Но Доктор, кажется, не шутил.

Поняв, что ее действительно похвалили, Полина перестала чувствовать себя тупицей и приободрилась. Можно не бояться: никто не будет ругать за неверные отгадки.

Как только она расслабилась, ответ пришел сам собой.

— Может быть, потому, что ключ должен быть связан с человеком? Тогда ваши способности обостряются, и вы начинаете видеть его.

— Отлично! Честно говоря, я не ожидал, что вы так быстро найдете правильное решение. Даже я сам не сразу нашел его. Теперь вы почти все обо мне знаете.

Полина подавила нервный смешок. После рассказа Ковальского она окончательно запуталась.

Доктор пришел ей на помощь.

— Все очень просто, — сказал он. — Я подбираю ключи к людям.

— К людям нельзя подобрать ключ, — вырвалось у девушки.

— Ошибаетесь. Не только можно, но даже нужно. И многие мои клиенты это осознают. Потому они и приходят ко мне.

— Клиенты?

— Ну, разумеется. С кем, по-вашему, я имею дело?

— Честно говоря, я уже не понимаю, — призналась Полина. — Мне казалось, вы кто-то вроде психотерапевта...

— Почти. С некоторыми особенностями. Ко мне приходят люди с проблемами. В этом нет ничего удивительного. Согласитесь, было бы странно, если бы человек шел к врачу, не имея проблем. Мы не говорим о профилактике, ибо ею я не занимаюсь, только о лечении! Пока все понятно?

Полина кивнула.

— Итак, мои клиенты приходят ко мне и рассказывают о том, что их гложет. Это могут быть страшные сны, от которых они не могут избавиться. Или вопрос, на который чрезвычайно важно найти ответ. Или неотвязные мысли, или тоска по кому-то, или нерешенная задача... Человек говорит со мной, а я слушаю его. Иногда спрашиваю о чем-то. Но, как правило, молчу. Некоторых достаточно послушать всего полчаса. Для других будет мало трех дней. Были люди, остававшиеся у меня неделями, до тех пор, пока мы не подбирали ключ.

— Ключ?

— Да. В буквальном смысле. Я нахожу среди своих ключей, — Ковальский обвел рукой стены, — один-единственный. Тот, который подходит конкретному человеку. Причем подходит именно в этой ситуации. Если он же придет ко мне через полгода с иной проблемой, ключ будет другим! Вы понимаете?

Полина по-прежнему ничего не понимала, но на всякий случай кивнула.

— Ключ должен подходить точь-в-точь: малейшая неуверенность все погубит. Как невозможно открыть замок ключом, всего лишь похожим на настоящий, так невозможно и помочь человеку, подобрав что-то близкое — но не в точности то, что требуется. Попадание должно быть абсолютным! Стопроцентным!

Разволновавшись, Ковальский до хруста сжал пальцы.

— И что же вы делаете потом с этим ключом? — осторожно спросила Полина.

— Отдаю его пациенту, конечно. — Анжей казался удивленным ее вопросом.

— А он?

— Может делать с ним все, что заблагорассудится. Обычно ключ носят с собой, смотрят на него...

Каждый решает сам. Но логично, имея ключ, как можно чаще держать его в руках. Большинство так и поступает.

— И что происходит?

По губам Ковальского скользнула слабая улыбка.

— О, если бы я знал ответ на этот вопрос! «Что происходит»... Мне, конечно, известно, что происходит снаружи. Внешний эффект, так сказать. Человек, обладающий ключом, внезапно находит ответы на свои вопросы. Он видит путь, выводящий его из беды. Это всегда случается неожиданно, как озарение, как распахнувшаяся дверь! Дверь, появившаяся там, где прежде была глухая стена.

— То есть... подождите... А вы сами больше не помогаете ему?

— Моя помощь заканчивается в тот момент, когда я отдаю ключ. После этого можно считать, что лечение завершено, пациент спасен. Вопрос лишь во времени. День, два, неделя... Редко — две. Мои ключи действуют быстро. Считайте это шаманством, волшебством, воздействием ментальной энергии, чем угодно — но они действуют!

Анжей встал, провел рукой по стене, едва касаясь ключей.

— За лечение я беру деньги. Я не знахарь, что жил здесь двести лет назад, и не подвижник. Природа наделила меня уникальной способностью. И я использую ее во благо людям и себе.

Полина сидела молча, хотя вопросы толкались у нее в голове. Словам Ковальского она поверила сразу. Но ей требовалось время, чтобы переварить его рассказ.

— Этой силой обладают лишь старые ключи, — вполголоса заметил Анжей. Он перемещался за ее спиной бесшумно, как летучая мышь. — Я пытался делать их сам, находил мастеров — все бесполезно! Сотворенное их руками мертво. А ерундовый ключ, которым полвека назад отпирали гримерку в театре, — живой! Он идеально подошел одной из моих клиенток. У нее были сложности с мужем... Да, я помню всех, к кому отправлялись мои ключи.

— А потом они возвращаются к вам?

— Нет. Никогда. Остаются у тех, кто использовал их, и постепенно теряют силу. Мне известно, что некоторые мои пациенты пытались воспользоваться ключами дважды, а то и трижды. Иногда ключ помогал второй раз. Но никогда — третий. Я честно предупреждаю об этом.

— Но тогда откуда вы достаете новые экземпляры? — удивилась Полина, оглядывая великолепие на стенах.

— Собираю. Ищу по всему свету. Вот эти три привезены из Стамбула. — Доктор показал на изящные позолоченные ключи, одинаковые по форме, но разных размеров. — Ими открывали не двери, а сундуки. Этот красавец доставлен в подарок из Японии. Многие находятся в антикварных лавках. Я пробовал скупать через интернет, но несколько раз был обманут.

— Подделки?

— Да. Ключ нужно слышать, а чтобы слышать, нужно взять его в руки. Они поют, вы знаете?

Полина покачала головой. Нет, она не знала, что ключи поют. Но глядя на Ковальского, любовно поглаживающего один ключик за другим, готова была в это поверить.

— Однажды я уговорил служителя в соборе Святого Стефана продать мне необычный ключ. Это обошлось мне... Нет, не буду говорить во сколько. Вы сочтете меня безумцем. Ничего особенного в нем не было, он казался даже грубоватым по сравнению с теми, что я собрал. Но стоило прикоснуться к бороздкам, как мне показалось, что в голове у меня звучит флейта. Вот здесь, — Ковальский постучал пальцем по виску.

Полина вспомнила, что, увидев ключи, тоже подумала о музыкальных инструментах.

— Иногда я просто крал их. Да-да, и не смотрите на меня с таким изумлением. Редко, потому что обычно удавалось сойтись в цене. И потом, кому нужны старые ключи? На что они годны? Для всех, кроме меня, — ни на что. Их прежние владельцы были только рады избавиться от лишнего хлама и заработать на нем.

— Но кто-то отказался продать вам ключ? Почему?

Ковальский хмыкнул.

— Коллекционер. Богатый старик, чертовски богатый! Нас занесло к нему в поместье, когда мы с Василием путешествовали по Венгрии. Он владел старинным особняком, настоящим замком. И обязан был раз в неделю выделять день на то, чтобы эту достопримечательность могли осмотреть туристы. Замок, кажется, семнадцатого века и особого интереса не представляет. Но пока нас водили по залам и утомляли рассказами о происхождении картин и мебели, я от скуки толкнул какую-то дверцу и оказался в той части замка, в которую туристов не допускали: в покоях самого хозяина. Кажется, его фамилия была Кошут... А впрочем, не помню. Прошло уже полгода...

Полина представила, как аристократичный Анжей со своей неизменной тростью крадется по замку. Ей стало смешно. Нет, все было совсем не так! Наверняка господин Ковальский непринужденно прогуливался по дворцу и выглядел куда более соответствующим ему, чем какой-то старый венгр по фамилии Кошут.

Доктор снял что-то со стены и снова сел напротив Полины. Но ключ ей не показал.

— Что же было дальше? — спросила девушка.

— В конце концов, счастливо избегая владельцев и слуг, я набрел на маленькую комнатку. В ней ничего не было, кроме картины на стене... Представьте: совершенно пустая комната, голые стены — и одна-единственная картина.

Взгляд Ковальского затуманился. Полина поняла, что мыслями он там, в комнатке замка.

— А что было на картине? — спросила она.

Но Анжей, кажется, не слышал ее.

Шесть месяцев назад

В замке было пусто и гулко. Крошечные окошки-бойницы. Дурацкие фигуры рыцарей в доспехах. Грязь на полу. И толпы бродящих туристов, глазающих на размалеванные потолки...

Ковальский сердился. И на себя, за то, что согласился на эту изматывающую поездку. И на Василия, проявившего неожиданный интерес к архитектурным памятникам. И на хозяина замка, который не удосужился за много лет привести свои владения в порядок. Пыль на подоконниках, запущенный сад... Анжей не понимал, как можно не заботиться о собственном доме, даже если часть его отдана на откуп зевакам.

Он ходил в отдалении от остальной группы, недовольно поглядывая вокруг. На носгах

лакированных ботинок налипла мелкая сухая грязь, и это было особенно неприятно. Начищенные ботинки были фетишем Ковальского. Он бы давно уехал, благо машина стояла внизу, но пожалел Васеньку, слушавшего экскурсовода с открытым ртом.

Проход в другое крыло замка Анжей заметил лишь потому, что взгляд у него был привычный к потайным дверям. Двести туристов прошли мимо, не обращая внимания на узкую штору, зачем-то закрывавшую часть стены.

Ковальский задержался возле занавеса, заглянул за него, брезгливо отведя двумя пальцами тяжелую ткань. И обнаружил не просто дверь — а приоткрытую дверь.

Упустить такой шанс Анжей не мог. В следующую секунду он нырнул за штору, убедившись, что никто не заметит его исчезновения.

Как и предполагал, он оказался в жилой части замка. Здесь все было иначе. Много добротной мебели, которая выглядела вполне современной. Широкие полки вдоль стен, заставленные папками. Ковальскому пришло на ум, что хозяин — юрист и хранит все документы, с которыми когда-то имел дело.

Из глубины коридора донеслись сердитые мужские голоса. Они приближались. Ковальский обернулся и обнаружил, что довольно далеко удалился от тайного прохода. Вернуться он не успел бы, а встречаться с хозяевами ему не хотелось. Проникновение на чужую частную территорию... Придется притворяться тупым туристом! Нет, рано. Он еще не удовлетворил свое любопытство.

Анжей приоткрыл ближнюю дверь и, убедившись, что за ней никого нет, быстро шагнул внутрь. Дверь сама затворилась за ним.

Вокруг была пустая комната с маленьким окном, закрытым такой частой решеткой, что в него не смогла бы протиснуться и кошка. Каменные стены, каменный пол... Единственно яркое пятно — картина справа. Подойдя ближе, Ковальский понял, что перед ним гобелен: лес, дом, возле дома — цветы. Что-то необычное было в гобелене, но Анжей не имел времени, чтобы разбираться с этим. К тому же он увидел ключ.

Ключ висел под картиной, на одном из трех крючков. Два других не заняты. При первом же взгляде на него Ковальский понял, что эта вещь должна принадлежать ему.

Он был длинный, совсем простой: всего два зубчика на конце тонкого стержня. В головке — отверстие с неровными краями. Из отверстия свисали обрывки ветхого шнура. Сперва Анжей решил, что ключ бронзовый, но потом что-то заставило его усомниться в этом.

Цвет — зеленоватый с прожилками, как поверхность замшелого камня. Головка неярко блестела, как если бы им часто пользовались или чем-то натирали. Ковальский даже дотронулся до него, проверяя, нет ли масляной пленки на поверхности.

И окончательно пропал. Никакая драгоценность в мире теперь не смогла бы отвратить его от этого ключа. Он знал, что должен унести его с собой.

Но Доктор не собирался становиться вором. Он еще раз с сожалением дотронулся до своей неожиданной находки, вышел из комнаты и отправился на поиски хозяина.

Старый венгр с густыми бровями не сразу понял, чего хочет от него бестолковый турист. Но стоило ему услышать переведенное на венгерский слово «ключ», как старик взвился, словно укушенный. Он не слушал ни объяснений Анжея, ни заманчивых предложений. Один раз Ковальскому все же удалось пробиться сквозь поток гневных восклицаний.

— Вы что-то открываете этим ключом?

На этот раз венгр отлично понял, о чем речь. И разъярился еще сильнее.

— Нет! — рывкнул он. — Ничего не открываем! Убирайтесь к дьяволу!

Один взмах руки — и Ковальского выставили вон.

— Хозяин ничего не продает, — напоследок сказал ему на ломаном английском охранник. — Идите в лавку.

Последнее предложение еще сильнее оскорбило Анжея. «Лавкой» назывался лоток перед входом, где продавались открытки, брелоки и прочая туристическая мелочь.

Кипящий от злости Анжей нашел Василия и обрисовал ему ситуацию. К счастью, Васе не требовалось объяснять, как важен для хозяина этот ключ.

— Если утащить, то непременно вспомнят про меня, — раздраженно закончил Ковальский. — Могут возникнуть проблемы. Нужно как-то хитрее...

Водитель поразмыслил немного, затем спросил:

— Нарисовать его сможете?

Лицо Ковальского просветлело.

Он изобразил по памяти ключ, а Василий нашел мастера, которому вручил эскиз. Повторить простую форму ключа оказалось нетрудно. Сложнее было с цветом... Но и тут мастер справился.

Через шесть дней Анжей держал в руках железяку, очень похожую на ключ из замка. Правда, железяка была мертвая, а ключ живой... Но Ковальский знал, что никто, кроме него, не заметит разницы.

Совесть его была почти чиста. Венгр не пользуется ключом, раз сказал, что они ничего им не отпирают. Сам по себе ключ тоже не представляет ценности: он не золотой, без вставок из драгоценных камней.

На следующий день Ковальский отправился на вторую экскурсию в замок Кошута.

Но на этот раз его ждала неприятная неожиданность. Дверца за шпорой, через которую он проник в жилую часть замка в первый раз, по-прежнему была открыта. По недосмотру ли, по безразличию — Ковальский не задумывался. Но зато вторая, та, что вела в комнатку с гобеленом, оказалась заперта.

Анжей чуть не пнул ее с досады ногой. Остановило его лишь то, что шум привлек бы внимание. Злой, как черт, он вернулся к Василию, ожидавшему в галерее замка.

— Ничего не вышло.

— Почему?

— Они закрыли дверь!

На Ковальского нахлынула ярость. Им пришлось потерять целую неделю в этой глуши! И все ради чего? Чтобы он, Анжей Ковальский, потоптался возле запертой двери!

Доктор выхватил подделку и быстро подошел к окну, собираясь швырнуть ее в сад. Но его занесенную руку перехватил Василий.

— Дайте мне, — попросил он.

Забрал ключ у опешившего Анжея, шепнул: «Я быстро». И исчез.

Ковальский остался ждать. Десять минут, пятнадцать... Две туристических группы успели пройти мимо. Экскурсовод, лопотавший по-английски, бросил на Ковальского заинтересованный взгляд.

Анжей начал беспокоиться. Если Василия схватили, то у них обоих могут быть серьезные неприятности. Ковальский уже был готов отправиться искать помощника, но тут шпора зашевелилась. Из-за нее показался Василий.

— Скорее, — сказал он, увлекая Ковальского за собой. — К машине.

— Что случилось? Тебя заметили? Где ключ?

— Не заметили. Ключ у меня. По дороге объясню.

Они пошли к выходу из галереи замка. До небольшой двери, возле которой скучал охранник, оставалось не больше десяти шагов, когда в замке вдруг взвыла сирена.

Люди стали останавливаться. Ковальский заторопился, но на плечо ему легла тяжелая ладонь Василия.

— Стойте на месте и сделайте растерянное лицо, — тихо приказал он.

Анжей подчинился. В подобных ситуациях он беспрекословно слушался водителя. Не было случая, чтобы его распоряжения себя не оправдали.

Впрочем, Вася давно уже был не только водителем.

— Если пойдете к выходу, вас там и задержат, — негромко говорил Василий, крутя по сторонам головой и притворяясь встревоженным.

— А так нас задержат здесь!

— Не задержат. Сигнализация сработала не из-за ключа.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Но лишние сложности ни к чему. Поэтому не будем выделяться из толпы. Сейчас все выключат.

И в тот же момент звук стих.

— Я же говорил. А вот теперь пошли! Быстрее!

Они смешались с туристами и прошли мимо охранника.

— Еще быстрее! Сюда, за кусты.

На улице вслед им оборачивались: Вася привлекал к себе внимание.

— Хоть пригнись, что ли... — проворчал на бегу Анжей. — Верста коломенская!

— Поздно пригибаться, — огрызнулся водитель. — У них внутри камеры. Ваш интеллигентный фейс давно записан, как и моя рожа.

Анжей встал от неожиданности.

— Камеры? Где?

— Сверху, по периметру. Да не стойте вы! Охрана не мониторит их постоянно, иначе вас загребли бы еще в первый раз.

— Тогда зачем они нужны?

— Пес их знает! — Василий свернул на стоянку, достал ключи от машины, и та отозвалась неподалеку радостным пискком. — Направо!

— Может, обманка?

— Вряд ли. — Водитель распахнул дверь перед Анжеем. — Скорее всего, охрана просматривает записи, если случается чэпэ.

Перед тем как сесть в машину, Ковальский бросил последний взгляд на замок. Серый, замшелый, безобразный... Только туристы в разноцветных куртках, толпившиеся у ворот, оживляли картину.

— Зачем хозяину потребовалась охрана? — подумал вслух Анжей. — Неужели там есть что-то действительно ценное?

— Тоже подумал, — коротко отозвался водитель, выруливая со стоянки. — Если ценное, почему так легко прошли внутрь? Если нет, зачем охранники в жилом крыле? Кстати, вы уверены, что это были именно они? Может, дети владельца? Служащие?

— Да нет, не похожи на детей, — задумчиво сказал Ковальский. — Вышколенные, нерассуждающие... Старик дал команду — они на меня бросились, как овчарки.

Подожди! — спохватился он. — Ключ-то где, ключ?!

Вася позволил себе улыбнуться. Замок остался позади, и он немного расслабился.

— Все ждал, когда вы спросите. Вот он.

Из нагрудного кармана кожаной куртки водитель вытащил ключ и протянул Анжею. Ковальский жадно схватил его. На Василия он полагался, как на самого себя, но его до последней секунды мучил страх, что он увидит ту же подделку, изготовленную для него расторопным мастером.

Ключ безмолвно запел в его пальцах.

— Тот самый! — восхищенно выдохнул Анжей. — Ну, Вася! Ну, герой! Наградить тебя мало!

— Главное, чтобы не посмертно, — буркнул тот, следя за дорогой. — Ну и что, стоила эта штукавина таких трудов?

Анжей рассмеялся. Стоила ли? В эту секунду он от всей души жалел, что Василию не дано услышать то, что слышит он. Вася разделил бы его восторг.

Никогда прежде Ковальскому не доводилось слышать такого пения. Были звонкие, как флейта, ключи, были переливчатые, журчавшие подобно свирели, были осиплые, как английский рожок... Их голоса то удалялись, то приближались. Иногда затихали совсем.

Но ключ, который Ковальский в эту минуту сжимал в руке, пел по-другому. Он издавал ровный, сильный вибрирующий звук, напоминавший волынку. Анжей непроизвольно прижал пальцы к виску, пытаясь приглушить его.

Голос этого ключа нельзя было назвать красивым. В нем не было ничего от нежной мелодичности других ключей, что попадали в руки Ковальского. Но он рождал ощущение невероятной мощи и силы, словно идущей из земли.

Анжей почти с опаской положил добычу на приборную панель. Звук смолк не сразу: несколько секунд эхо его отдавалось у Ковальского в голове. Такого Анжей прежде не встречал: он всегда переставал слышать голоса ключей, стоило ему выпустить их из рук.

Он даже спросил Василия:

— Ты слышишь?

— Что?

— Не знаю... Волынку?

— Опять у вас звуковые галлюцинации?

Анжей только усмехнулся в ответ.

— Ладно, нет так нет. Расскажи теперь, как ты его достал.

Василий, как и Ковальский, легко проник во второе крыло замка и уперся в закрытую дверь. Но, в отличие от Доктора, для водителя это не являлось серьезным препятствием.

— Замок там ерундовый, цилиндровый. Скважина таких размеров, что таракан пролезет.

— Неужели вскрыл отмычкой?

— Откуда у меня отмычка? — фыркнул Василий. — Отвертка и булавка, вот и все наши приспособления.

Но когда водитель попал в комнатку, за дверью раздались голоса. Он затаился внутри, надеясь, что на открытый замок не обратят внимания. Сидеть ему пришлось не меньше десяти минут, и больше всего он боялся, что Ковальский отправится на его поиски.

Василий подменил ключ и успел придумать легенду: якобы он турист, решивший взглянуть на тканую картину.

— Так себе версия, — заметил Ковальский.

— Лучше, чем ничего. Вы, может, ничего не заметили, а у меня было время осмотреться.

И вышивку на стене я пощупал.

— Гобелен, а не вышивку, — поправил Анжей. — И что?

— На нем с обратной стороны число: тысяча семьсот сорок три. И рядом несколько слов. Я одно разобрал: «Фламандия».

— Значит, бельгийская работа... — протянул Ковальский. — Любопытно, любопытно. Эти гобелены высоко ценятся. А если и впрямь середина восемнадцатого века... Но в таком случае он отлично сохранился!

— Короче, я решил: если что, прикроюсь гобеленом. Не в прямом смысле, вы понимаете.

Но прикрываться гобеленом Василию не понадобилось: когда голоса стихли, он беспрепятственно покинул укрытие и ушел, предварительно закрыв замок.

— Так что ничего сложного не было, — закончил водитель. — Получите, распишитесь. Я вот сейчас подумал: может, у них не одна такая тряпочка в замке? А несколько попрытаны по разным углам? Тогда понятно, откуда охрана. И можно объяснить, почему поднялась тревога. Сбой в системе сигнализации.

— Или и впрямь кто-то покусился на гобелены.

Когда они вернулись в отель, Ковальский первым делом открыл компьютер и подключился к неторопливому гостиничному интернету. Проголодавшийся Вася заказал в номер еду. Десять минут спустя перед ним уже стояла яичница из восьми яиц, едва уместившаяся на тарелке.

— Ну наконец-то! — воскликнул Анжей, когда интернет начал загружаться. — Так, что тут у нас?

Догадка Василия подтвердилась: хозяин замка увлекался бельгийскими гобеленами и вышивкой.

— Ты прав: здесь пишут, что у Кошута собрана неплохая коллекция, — сообщил Анжей и вышел из-за стола. — Вот все и объяснилось.

Ковальский снова достал ключ, положил на раскрытую ладонь, любуясь им.

— Но на будущее я настаиваю на том, чтобы обходиться без уголовщины! — строго сказал он Василию. — Попрошу без этих твоих штучек со взломами.

Бедный водитель аж поперхнулся яичницей.

— Так я оказался обладателем еще одного старинного ключа, — закончил Анжей рассказ. — Но, клянусь, после этого случая я ни разу не позволял себе нарушить закон.

— Держались целых полгода, — понимающе кивнула Полина, вспомнив слова Ковальского о том, как давно у него появился ключ.

[Купить полную версию книги](#)